

ЧАСТЬ I

Рэк, или Рэки, — щенок восточно-европейской овчарки — обожал своих хозяев. Будучи единственным щенком в первом помёте у своей молодой мамы, Рэки отличался особой привязанностью и, возможно, поэтому везде и всюду неотступно следовал за своими приёмными «родителями». Его хозяйка, уже немолодые и одинокие супруги, проявляя сердечную заботу о малыше, просто не чаяли в нём души. Они любили его словно собственное дитя; и можно было их понять.

Рэки был очень крупным и рослым щенком, но и не только: его ушки, приподнятые уже в двухмесячном возрасте, умная мордочка с высоким лбом и взгляд изумительных тёмных бусинок-глаз говорили о высоком собачьем интеллекте. Уже к шести месяцам своего пребывания на свете Рэки мог понимать значение многих человеческих слов: внимательно прислушиваясь к разговорам своих хозяев и неведомо каким чутьём улавливая смысл сказанного, он порой удивлял своей сообразительностью. Его не приходилось долго учить чему-либо, стоило лишь раз показать и объяснить требуемое, и можно было не сомневаться, что именно так Рэки всё и сделает, а возможно, даже и лучше.

Хозяйка была очень довольна своим не в меру умным щенком. Но больше всего их покоряла его осознанная привязанность к ним. Для Рэки не было никого дороже на свете, чем его могущественные и добрейшие «родители». Он не просто учился служить

людям, но старался стать одним из них. Никакое дело не оставалось без его внимания — принимая в нём самое непосредственное участие, своим оживлённым поведением молодой пёс придавал радости делу. И порой его усердие вызывало счастливый смех его радеющих хозяев.

И всё же Рэки, как и любой другой щенок, больше всего любил игры. Выезжая за город на стареньких «жигулях», хозяйка затевала с ним его любимую игру: они оставляли Рэка на некоторое время у автомобиля, а сами расходились в разные стороны и прятались — кто где; по сигналу — от удара упавшего на землю камня, подброшенного хозяином кверху, — Рэки начинал поиск. Молодой овчар обладал превосходным чутьём и поэтому мог легко и безошибочно находить исчезнувших из виду хозяев. Но иногда, проявляя повышенный интерес к игре, Рэки делал вид, будто никак не может отыскать их и, как бы путаясь в следах, крутился рядом. Даже тогда, когда он оказывался совсем близко и его взгляд случайно пересекался с взглядом одного из обнаруженных хозяев, Рэки опускал голову и, делая вид, что не замечает их, продолжал игру. Было очень забавно наблюдать его притворство. Но ещё забавнее заканчивался сам поиск — на мгновение исчезнув из вида, а затем неожиданно появившись, Рэки энергично подбегал сзади и набрасывался с повизгивающим лаем: таким образом он выражал восторг от встречи с якобы пропавшим

другом. Подобная забава приносила массу удовольствия как Рэку, так и его опекунам.

Нравились Рэку и дальние поездки на автомобиле. Высунув голову из открытого окна и с любопытством вглядываясь в даль, проплывающую мимо, он мог часами наблюдать за часто меняющимися картинками.

Однажды он увидел случайно перебегающего через дорогу зайца. С восторгом, сравнимым с восторгом ребёнка, Рэки, взвизгивая и поскуливая, оборачивался к своим «родителям» и, как бы обращаясь к ним, всё время словно спрашивал: «Мам, пап, смотрите, смотрите... Кто это?». «Не волнуйся так, Рэки-малыш, — успокаивала в тот момент мама-хозяйка, — тебе его всё равно не догнать».

Смирненно проводив взглядом скрывшегося за полем, в лесу, русака, и уже спокойно улёгшись на сиденье, Рэки, словно задумавшись, долго переживал увиденное; а возможно, он просто немного расстроился, потому что ему очень хотелось побежать за этим неизвестным живым стремительным «шариком», догнать и обнюхать. Но уже потом, всякий раз вновь оказываясь на том же самом месте трассы, Рэки с ещё большим любопытством высовывался из окна автомобиля и, внимательно вглядываясь в природное поле, надеялся ещё раз увидеть своего несостоявшегося приятеля, с которым ему так хотелось подружиться и порезвиться в мягких полевых муравях.

Прошло два года с момента появления Рэки на свет. Его щенячья привязанность к людям, когда-то заменившим ему мать-родительницу, переросла в глубокую преданность им. Выросший в любви и человеческой заботе Рэк многому научился и многое понял. Люди, научившие умного пса

разбираться в премудростях сложной людской жизни и понимать мир человеческих взаимоотношений, сделали его равным себе; он стал одним из них. И лишь одна особенность, ярко проявляющая его собачью сущность, — безумная верность — отличала Рэка от людей. Он так же неотступно продолжал следовать за своими хозяевами. Ни на минуту не расставаясь с ними, Рэк готов был на всё ради них; но этого уже он не осознавал, он просто был таким.

В тот день предстояла дальняя поездка. Рэки уже предчувствовал её и потому проявлял все признаки беспокойства. Несуетливо, но оживлённо и с нетерпением он подходил к хозяину и, заглядывая ему в глаза, как бы спрашивал: «Ну что, хозяин, скоро? Я уже готов».

Хозяин не знал почему, но смутное предчувствие в тот день противилось его желанию взять Рэка с собой. Глава семьи не мог объяснить причину, но, поддавшись уговорам жены, согласился.

Предстояла поездка в город за большой покупкой. Рэки заметно волновался: он чувствовал внутреннее нежелание хозяина брать его с собой. Больше всего в жизни Рэк не переносил расставаний с хозяевами, он был готов на всё, чтобы быть рядом с ними; без них даже райские кущи становились невыносимыми.

И вот — «жигулёнок» уже нёс их по трассе. Погода стояла пасмурная, иногда покрывал мелкий дождь, и асфальт местами был мокр. Но дорога была чистой и ровной. Редкие встречные автомобили с «жигом» проносились мимо.

Рэки, расположившись на заднем сиденье, рассматривал хмурый мир через накрапанное дождём окно. Внезапно резко затормозив, «жигулёнок»

скинул Рэка вперёд. Рэк мигом вскочил на лапы и, оказавшись рядом с хозяином, понял — впереди опасность.

Навстречу их машине развёрнутым бортом шёл юзом грузовик — молодой лихач, идя на большой скорости, не придавал значения увлажнившейся дороге. При виде встречных фар неопытный водитель немного взял правее и, зацепив мокрую и уже скользкую грязную обочину, не смог справиться с управлением: выкрутив руль резко в сторону трассы, он вывел грузовик навстречу, но, испугавшись уже близкого столкновения и притормозив, так же резко вывернул его обратно. Машину развернуло поперёк и понесло по влажному асфальту. В какую-то секунду растерявшийся водитель замер, и этого мгновения оказалось достаточным, чтобы уже в следующую секунду произошёл тяжёлый и резкий удар: непоправимое несчастье случилось.

В тот страшный миг Рэки не смог осознать, что произошло с ним и его хозяевами; но уже и потом он никогда не мог понять этого. В ту последнюю роковую секунду Рэк запомнил лишь одно — окаменевшее лицо хозяина и ужас в глазах хозяйки. Потом мир внезапно перевернулся. Рэк помнил ещё, как его подбросило в ярко-белую вьсь. Затем, резко оборвавшись, он стремительно рухнул в чёрную пустоту. Больше Рэки ничего не помнил: он не помнил, как, уже покалеченный, с трудом выбрался через разбитое окно, как отполз в сторону, как потом завывала сирена и увозили его хозяев. Перебитый и бесчувственный Рэк тихо лежал один на обочине: люди не заметили искалеченного, но ещё живого пса, или, возможно, посчитав его погибшим, оставили у дороги, подтолкнув ближе к кювету.

Нелепая, случайная трагедия оборвала жизнь хозяев Рэка. Но сам Рэк

так никогда и не узнает об этом. Выживший, он будет отчаянно искать их, а не найдя, будет преданно ждать их возвращения в том самом месте, где когда-то они оставили его одного у дороги.

Ещё долгое время после аварии Рэки в беспомощности пролежал у дороги. Мимо проносились машины, но никто в них не замечал лежавшего на обочине и уже покрывшегося придорожной пылью чёрно-рыжего пса. Всякий раз при шуме колёс и гуле мотора тело Рэка незаметно вздрагивало. Улавливая подсознанием звуки движущегося мира, он, стремясь к жизни, рвался из когтистых объятий собачьей смерти: могучий и крепкий молодой организм боролся за существование.

Лишь спустя сутки Рэк пришёл в себя. Очнувшись, он почувствовал непреодолимую, острую боль, боль во всём теле; словно прибывая его гвоздями к земле, она сковывала его и не давала возможности пошевелиться.

Ещё двое суток Рэк не мог встать. Его крепкое и мускулистое тело, сплошь покрытое глубокими порезами и ссадинами, выдерживало жгучие натиски режущих атак и свыкалось с болью.

На третий день пришла прохлада, вновь заморосил дождь. Лёгкий ветерок, привнося ещё большую свежесть, нёс и облегчение израненному телу Рэка: остужая горящие болью раны, прохладная влага наполняла свежестью его силы. Жгучая боль понемногу стихала, но в то же время нарастала жгучая жажда. Высунув язык, измождённый пёс ловил им редкие и мелкие капли. Но встать и найти воду у него не хватило сил. Он смог лишь повернуться на грудь и, распластавшись, подставить усилившемуся дождю глубокую рваную рану спины. Вытянув вперёд передние разбитые лапы и уткнув-

шпись в них носом, Рэки отрешённо смирился со своим положением.

Пролежав так ещё несколько часов, он только к ночи почувствовал себя немного лучше. Жажда всё ещё мучила, но уже не так сильно. Яснее проступало сознание, всё крепче цепляясь за пульсирующую мысль о хозяевах. Один-единственный немолчающий вопрос — где же хозяева? — набатом стучал в его висках. Рэки снова попытался привстать. Его пробудившееся существо устремилось вперёд — найти, найти хозяев, ведь им, возможно, нужна его помощь. Несмотря на то, что ночной дождь успел смыть многие запахи с земли, Рэк своим необычайно острым чутьём всё ещё чуял державшийся где-то рядом родной запах дорогих ему людей. Для Рэки было гораздо страшнее потерять их, чем остаться искалеченным или даже умереть.

С большим трудом, поскуливая от нестерпимой боли, Рэк всё же привстал. Покачиваясь на ослабевших израненных ногах, он долго стоял, не решаясь сделать первый шаг. Трясущая дрожь пробирала измождённое тело. Поводя носом в сторону еле доносившегося запаха, Рэки уверенно улавливал слабые признаки близости хозяев.

Первые шаги давались нелегко. Припадая на переднюю, сильнее повреждённую лапу, он медленно продвигался вперёд, к источнику усиливающегося запаха: разбитые очки хозяина и несколько сгустков впитавшейся в землю крови — вот что были его источником на том самом месте, где лежали носилки с хозяином в тот страшный день. Увидев любимую вещь дорогого ему человека, Рэки слегка коснулся носом сломанных дужек очков. Ему сразу вспомнилось, как ещё совсем недавно хозяин склонился

над ним и потрепал его за ухом. В ответ благодарный пёс, приткнувшись носом к голове человека, несколько раз шустро лизнул его в подбородок, в колючую щеку, в висок и ухо, задевая дужки его любимого предмета.

Вспоминая своё последнее общение с хозяевами и испытывая при этом наплывы тоски и горечи, Рэки в тот момент не смог сдержать своих чувств, запах крови лишь обострил их: жалостливое поскуливание слышалось в тишине ночи.

Горечь от потери хозяев ещё больше омрачила состояние Рэка. И всё же он был уверен — они должны будут объявиться. Он не мог представить, чтобы его оставили здесь надолго, и потому надеялся на скорую встречу. «Видимо, так было нужно им», — обнадеживающее чувство предположения возникло в голове Рэка. Заключив этим своё состояние в покой, ему оставалось только ждать.

На прежнее место Рэки уже не вернулся, а тут же, опустившись на землю и обессилев, погрузился в дрему. Ночная прохлада обдувала его саднящие раны и немного успокаивала их.

Уже несколько часов не было слышно ни одной машины. Кругом стояла плотная тишина, и даже сверчки в поле перестали цикадить: наступали прохладные августовские ночи.

Следующее утро началось с шума тяжелых машин на трассе. Целая колонна военных автомобилей, один за другим, шли по направлению к своей части. Рэк впервые отреагировал на приближающийся рокот моторов. Приподняв голову, он увидел, как навстречу ему мчался огромный зелёный грузовик: Рэки лежал на обочине дороги, но слишком близко к проезжей части, и поэтому ему казалось, что первый грузовик из колонны шел прямо на него. Рэку не хватило времени,

чтобы собраться с силами, встать и отойти в сторону. Он лишь успел опустить уши и прикрыть глаза. Зелёный «Урал», грузно давя огромными колёсами асфальт, с грохотом промчался мимо. Рэка обдало вихрем шума и гари. Открыв глаза, но не успев ещё опомниться, он увидел приближение следующего — и ещё один вихрь пронёсся мимо. Затем ещё один, и ещё... Машин было много, словно поездной состав, один за другим «Уралы» гнали по трассе, не замечая на обочине собаку. Иногда в промежутках между машинами Рэки пытался вставать. Но всякий раз, когда он вот-вот готов был опереться на лапы, его сбивало потоком воздуха из-под колёс машин. Измучившись, он уже пытался просто отползти, что было гораздо труднее: израненное и отёкшее от ушибов тело не поддавалось подобным движениям. Ему приходилось протаскиваться лазом, опираясь большей частью на неповреждённую переднюю лапу.

Рэк был сильным псом и потому, невзирая на острую боль, всё же понемногу отползал в сторону. Вдруг один из автомобилей, последний, замыкающий, сбавил скорость и принял вправо. Офицер, замыкавший колонну и заметивший впереди ползущую по обочине к краю дороги чёрно-рыжую овчарку, дал приказ водителю-солдату остановиться.

Рэки никак не ожидал такого поворота. Ошеломлённый, ожидая худшего, он опасливо поглядывал на вставший перед ним «Урал». Из машины показался человек в форме, таких он часто видел в своём городке, но никогда не был знаком с ними близко.

— Вот, бедолага, ты попал... — сочувственно, но твёрдо прозвучал голос человека в форме. — Как же это тебя угораздило, дружище? — уже мягче проговорил офицер, подходя к Рэку.

Многие слова, произнесённые этим человеком, Рэки слышал впервые, но по голосу и тону уже мог определить их смысл: Рэк понял — человек в форме был неопасен. Из машины появился ещё один, и тоже в форме.

— Что будете делать, товарищ майор? — обратился молодой водитель-солдат.

— А ты как думаешь? — вопросом на вопрос ответил по-дружески офицер.

— Ну... не знаю, — уклонился от ответа солдат, а затем выразил своё отношение: — Жалко собаку — хорошая овчарка. Смотрите, какие умные глаза.

Рэки, претерпевая боль, внимательно слушал людей и понимающе поглядывал то на офицера, то на солдата. По его взгляду люди определили, что состояние пса вполне жизнеспособное, но помощь ему, несомненно, нужна.

— Ну что, малыш, посмотрим тебя? — уже ласково произнёс человек в форме.

Рэки встрепенулся. «Малыш» — слово, часто произносимое его хозяевами, будто молнией обожгло сознание Рэка и, уничтожив последнюю, слабую попытку сопротивления чужакам, окончательно смирило его. Взгляд его грустно опустился, и люди наконец-то смогли увидеть жалкое состояние Рэка.

— Принеси-ка брезентуху, — в приказном порядке, но с оттенками просьбы, выдал офицер. — А я тут пока осмотрю его... Хороший пёс, хороший, — протяжно и ласково, с подходом, начал человек. — Ну-ну, малыш, не бойсь, не обижу, — успокаивал он собаку.

Увидев глубокую рану на спине пса, человек изумился:

— Эх, как тебя задело-то. Ну, ничего, потерпи, до свадьбы заживёт. Молодой ещё, наверное, да? А, ма-

лыш? — продолжая осматривать раны, спокойным тоном общался человек с собакой.

Рэки понимал — ему хотят помочь. К тому же, испытывая жажду, он надеялся и очень этого хотел, чтобы человек догадался о его жаждущей просьбе.

— Давно ли здесь, малыш? — чаще добавляя слово «малыш», чем «дружище», незнакомое псу слово, обращался тот к Рэку. — Ну-ну, ничего, потерпи уже. — И, выдержав паузу, будто о чём-то догадавшись, произнёс: — Пить, наверное, хочешь?

Слово «пить» ещё больше усилило жажду Рэка: «Как же ему сказать об этом», — читалось в глазах его. Но говорить ничего не пришлось. Человек и сам всё понимал. Будучи военным, он не был чужд любви к животным, — у самого терьер-охотник подрастал.

— Вот, товарищ майор, — обратился солдат, протягивая кусок палаточного брезента.

— Водички принеси-ка, — вновь озадачивал офицер солдата, а сам, продолжая успокаивать собаку, уже расправлял брезент на обочине.

«Что это он хочет? Зачем это всё?» — присматриваясь к действиям человека, не понимал Рэк. Неожиданно появился солдат с фляжкой в руке, послышалось бульканье воды. Всё внимание Рэка перешло на фляжку.

— Ну вот, — закончил офицер и, приняв фляжку из рук солдата, налил воды в свою широкую, чашей образованную ладонь.

— На вот, попей, малыш-дружище, — подставляя ладонь, обратился он к страдавшему жаждой овчару.

Рэки никогда ещё не пил воду из рук человека, но в тот момент жажда оказалась сильнее некоторых его привычек.

— Умница... молодец... хороший... малыш-дружище, — повторял ласково человек и подливал воду в ладонь.

Немного утолив томившую его жажду, Рэки почувствовал себя гораздо лучше. Теперь он уже не сомневался, — эти люди не причинят ему зла. Когда они аккуратно взяли его, чтобы перенести на брезент, Рэки уже не проявлял беспокойства, он лишь, терпя боль, слегка поскуливал.

Ровная дорога почти не трясла. Рэк тихо лежал в фургоне с откинутым поломом и думал о своих хозяевах. Он не знал почему, но согласился покинуть то место, где потерял их. Возможно, люди, взявшие его с собой, помогут ему отыскать их. А если не получится, то всегда можно вернуться на прежнее место и ждать, пока они не найдут его сами. Примерно такие мысли крутились в голове Рэка. И всё же с каждой минутой он всё больше волновался: а вдруг они уже вернулись, а его нет на месте, — тогда хозяева уедут снова, и он снова останется один. Хуже подобной мысли не могло возникнуть в его сознании. Рэки попытался пригнуться, — его встревожила последняя мысль. Но уже ничего нельзя было сделать. Скорость машины и высокий борт фургона не позволили бы ему выпрыгнуть даже тогда, когда он был совершенно здоров. И Рэки вновь смирился. Теперь он ни о чём не думал, он хотел лишь одного, чтобы машина скорее остановилась, и, выбравшись из неё, вернуться обратно, на прежнее место. И лишь в этом заключалась его особая, собачья сущность: преданность и верность.

По прибытии в воинскую часть люди отнесли Рэка в медпункт гарнизона. Там военный фельдшер, оценив благородство кровей породистого пса, оказал ему необходимую и возможную помощь.

Перебинтованный, с загипсованной лапой, Рэки тихо лежал на мягком подстиле в углу одной из комнат огромного помещения. Всюду пахло йодом, спиртом и лекарствами. Резкие запахи неприятно раздражали собачий нос, но терпеливый пёс старался не обращать на это внимания. К тому же после двух уколов человека в белом Рэки почувствовал себя гораздо легче — жгуче-саднящая боль постепенно затихала, и он понемногу успокаивался. Глотнув ещё немного водицы из миски напротив и уложив перебинтованную голову на пахнущие гипсом лапы, Рэк впервые успокоенно погружался в сон.

Вдруг резко вспыхивает ярко-белый свет, и его подбрасывает кверху. Свет ослепляет, и Рэки ничего не видит, словно молочная пелена застилает глаза и обволакивает тело. Его скывывает тягучая и липкая белая слизь. Рэки пытается отскрести её лапами. Но вдруг что-то цепляется в одну из них и начинает тащить за собой. Он не видит — кто это, но чувствует его тяжесть. С каждым мгновением становится всё меньше сил сопротивляться ему. Рэк прикладывает все усилия, чтобы избавиться от него. Но «оно» вдруг резко обрывается вниз и тянет Рэка за собой. Уже стремительно летя вниз, он ударяется обо что-то твёрдое и крепкое, и наступает мрак. Затем вновь резкая вспышка, и он опять в мутно-белом тумане. Но Рэк уже может видеть: он видит среди расступившегося тумана своих хозяев. Они движутся ему навстречу. Он рад, что вновь увидел их, и бежит к ним. Вдруг хозяева исчезают, но тут же появляются снова: теперь они уже в красном. Это пугает Рэка, и он останавливается. Хозяева начинают звать его. Они зовут и манят неестественно длинными руками к себе. Рэк устремляется вперёд. Но тут опять

«это» цепляется в его лапу и мешает бежать. Хозяева продолжают звать и постепенно удаляются. Он уже перестаёт распознавать их, но продолжает слышать их голоса. Рэки рвётся к ним. И снова неизвестное «это», продолжая сдерживать, уже резко оттаскивает его в сторону. Рэка охватывает ужас, — он должен бежать к хозяевам, но «оно» не даёт, «оно» мешает ему. С остервенением Рэки набрасывается на «это» и начинает рвать и грызть его. «Оно» не поддаётся: его оторванные куски притягиваются и вновь срастаются. Ужас и отчаяние приводят Рэка в бешенство, и тогда он набрасывается на собственную плоть: он пытается оторвать уже свою ногу вместе с вцепившимся в неё непонятным, страшным существом. Вгрызаясь, он рвёт и мечет. Ему несколько не жалко собственную ногу, ведь она лишает его возможности бежать. И вот он уже почти перегрыз её, осталось совсем немного, лишь на одной жилке, но очень крепкой, держится его лапа, свисая вместе с тяжкой ношей. Остаётся порвать её, и вот она — свобода. Но Рэк не успевает, — он пробуждается и чувствует, как зажимает в зубах свою загипсованную лапу. Отчаяние переходит в бессилие, и Рэки вновь погружается в тяжёлый сон.

Ранний утренний свет, пробиваясь сквозь обрешётчатое окно, квадратами пятен падал на противоположную стену. Незаметно опускаясь книзу, квадратики света постепенно высвечивали дальний угол комнаты: поднималось солнце. Начинался день. В углу комнаты, на кафельном полу, вытянувшись на старом солдатском бушлате, тихо и смиренно лежал пёс: измученный тревожными снами прошедшей ночи, Рэки спал. Он даже не слышал, как в помещение уже вошли люди. И только тогда, когда их шаги

приблизились к дверям, Рэк, про-буждённо покрутив ухом, приподнял голову. Внезапно громко раздался голос в полупустой комнате: «Ну, как тут наш малыш?»

Рэки, вздрогнув, узнал твёрдый, но добрый голос человека в форме. Затем появился и он сам.

— Привет, дружище. Как самочувствие? — то ли по-воински, то ли по-дружески обратился он к Рэку, и, не дожидаясь ответа, продолжил. — Молодец, малыш. Вижу, всё хорошо у тебя, — и сделал несколько шагов к нему.

Не зная почему, но Рэки был рад видеть этого человека. Чуть заметно вильнув кончиком хвоста, он выказал ему своё приветствие и, не отрывая взгляда от его чёрных усов, стал ждать, что тот скажет дальше.

Следом в комнату вошел врач, фельдшер. «А вот и человек в белом. Зачем он так обмотал меня своими белыми лентами, — чуть было не задохнулся», — сразу же подумал Рэк.

— Ну что, малыш, проголодался, наверное? — произнёс майор и вынул из пакета стеклянную литровую банку.

— Какой же он тебе малыш, Петрович? Здоровый пёс, с телёнка будет, а ты его — малыш, — вроде как в шутку удивился человек в белом и тут же продолжил уже серьёзно. — Ты его, Петрович, — обращался он к майору, — пока не корми. Сначала — укольчик, еда потом... Ты, если торопишься, баночку можешь оставить, я сам покормлю.

— Ну уж нет, дружище, я подожду. Твоё дело — лечить, а моё — учить. Хочу, чтоб привыкал ко мне. Поправится — будет служить. Хорошая собака в любом деле пригодится, — отвечал офицер.

— Как знаешь. Есть время — жди.

После укола Рэки вновь почувствовал себя лучше, голод придавал ещё большую бодрость.

— Ну, малыш, давай поедим. — Петрович открыл банку и вывалил содержимое в миску. По комнате разнёсся запах макарон с мясной тушенкой. Рэки едва сдерживался. Благородная привычка и инстинкт не позволили ему начать есть без команды (его хозяин, не желая, чтобы пёс ел из чужих рук или подбирал что-то с земли, приучил Рэка брать пищу по команде). И Рэки ждал. Он ждал определённого слова.

— Смотри-ка, не ест, — удивлённо и растерянно проговорил майор, обращаясь как бы к самому себе, и уже к Рэку: — Ну, что ты, малыш? Бери, ешь... Тебе поправляться надо. Ну... бери... ешь, — уговаривал он овчара.

Рэки, как бы смущаясь и будто пряча глаза, опускал голову, словно ему было совестно за себя.

Из соседней комнаты через распахнутую дверь донёсся голос врача:

— Что? Не ест?

— Слюной исходит, а пищу не берёт, — отвечал майор.

— Умный пёс. Боится отравиться, — то ли в шутку, то ли всерьёз как бы констатировал врач, и уже серьёзнее: — Без команды хозяина есть не будет, дрессировка.

— И что мне теперь с тобой делать? — обращался майор к собаке. — Помирать от голода будешь? А, малыш? — и выдержав паузу, вновь продолжил: — Поешь, поешь... На вот, чуешь, как пахнет вкусно? — пододвигая тарелку ближе к носу овчара, ласково приговаривал офицер. — Покушай, — словно непослушное дитя, уговаривал человек собаку. И Рэки вдруг придвинулся к миске.

— Ну, вот и молодец. Кушай. Не стесняйся, малыш.

Выдержав ещё какое-то мгновение, Рэки доверительно принялся «кушать», — так звучала команда хозяина, а точнее — «кушать, малыш», и лишь тогда Реки начинал есть.

Майор был рад, что нашел общий язык с овчаром.

— Что, Петрович? Нашел кодовый ключ? — выйдя из своего кабинета и увидев пса, поедающего макароны с тушенкой, своим тоном произнёс человек в белом и лаконично продолжил: — Ну, вот и ладненько, значит, будем жить. Значит, и моя помощь будет не напрасной, — заключил военный фельдшер и приступил к своей повседневной службе.

Прошла неделя. С каждым днём Рэки чувствовал себя всё лучше — сказывалась воинская забота. И лишь тревога ни на миг не покидала его. Рэка тревожило отсутствие хозяев и то, что он не мог вырваться на волю, чтобы искать их. Изнемогая от тоски, он ждал удобного момента, чтобы вырваться и бежать, — бежать туда, где он потерял их, или они — его.

Был вечер, но темнело быстро. Сквозь окно высвечивалась бледная луна. Рэки, наострив уши, прислушивался к оживлённым голосам в соседней комнате: шумно произносимые слова людей казались ему абсолютно бессмысленными и даже чем-то саднили его слух. Сильно пахло спиртом и, как всегда, йодом, — этот запах он особенно не выносил, но все вместе они ещё больше раздражали Рэка. Привыкнуть к медицинским запахам он не мог и потому терпел, лишь иногда морща влажный нос.

Вдруг за окном, в небе, оставляя яркий хвост за собой, прочертила огненную дорожку упавшая звезда. Рэки заметил её и неожиданно привстал. Он никогда раньше не видел падаю-

щих звёзд, хотя любил посмотреть в ночное небо. Оно всегда притягивало его и удивляло: множество светящихся глаз, как казалось ему, неизвестных существ, забравшихся так высоко, взирали на него из темноты. «Кто прячется там? Почему они никогда не издают ни звука, ни голоса, и даже никогда не двигаются; всегда в одном и том же месте, как будто ожидают кого-то. Кто они?», — задумывался иногда, в тот момент, молодой пёс.

Но вот он впервые увидел, как одно из тех небесных существ наконец-то не выдержало и спрыгнуло вниз, оставляя за собой огненный след. Рэки невольно приблизился к окну. Глядя через оконный проём на тёмный небосвод, он, как и прежде, видел глаза тех же существ, мерцающих своими зрачками; они всё так же оставались на месте, и так же никто не двигался и уже не падал вниз. Молодого пса интересовало, какие они. И вот ему предоставлялась возможность узнать это. Он заметил, куда спрыгнуло одно из них: яркий след упавшей звезды уходил в сторону от того самого места, где Рэк оставался один после аварии.

Неожиданно взволновавшись, пёс заскулил: он должен был немедленно бежать туда. Вдруг хозяева уже на месте и ждут его, — промелькнуло в голове Рэка, — а что если то странное существо с неба угрожает им опасностью? От последней мысли, невольно дёрнувшись, Рэк кинулся к дверям комнаты.

В этот вечер все выводящие из помещения двери оказались незапертыми, и Рэки беспрепятственно вышел наружу. Оказавшись на свежем воздухе и почувствовав свободу, он на какое-то мгновение даже немного растерялся. Но затем, вспомнив, почему он здесь, уже решительно направился в сторону высокого бетонного забора.

Пробежав вдоль забора, пёс легко обнаружил лаз под ним. Следы множества разных собак набили здесь свою тропку. Рядом стояли железные баки — контейнеры под отходы из воинской столовой. Они-то и привлекали сюда бездомную собачью свору. Парочка беспородных длинноногих собак попалась ему навстречу, но, заметив мощного чёрно-рыжего пса, они, поджав хвосты, разбежались в стороны. Рэки даже не обратил на них внимания, — его уже ничто не интересовало, он должен был как можно быстрее оказаться на месте, где, по его предположению, уже дожидались хозяева, и, возможно, им уже нужна была его помощь. Проскользнув под забором, он наткнулся ещё на одного пса. Но этот пёс не стал поджимать хвост и убегать. Он решительно и нагло приблизился к Рэку. Высокий и широкогрудый, откормленный на бросовых харчах, пёс выражал полное недовольство, как казалось ему, к новоявленному нахлебнику. Подёргивая краем верхней губы и топорща загривок, по всему видно, хозяин «харчевни», он был настроен показать свою привилегию сильнейшего. Но Рэки не стал ввязываться в «помочную» разборку и показывать свою силу. Он пренебрежительно сделал несколько шагов в сторону и уверенно заспешил прочь. Хозяин «помочного пищеблока» даже остался доволен, что ему не пришлось оспаривать своё положение, и, возмнив себя Победоносцем, гордо направился к лазу в заборе.

Пробираясь собачьими тропками, минуя овраги и мусорные свалки, Рэки уходил по направлению к трассе. Запах бензиновой гари и шум машин, разносившиеся от дороги, легко определяли её местонахождение. Выскочив на шоссе, Рэк уже быстро и уверенно устремился вперёд. Цокотя

по асфальту загипсованной лапой, он совсем не чувствовал боли и с каждым разом ускорял свой бег. Всё его существо устремлено было лишь к ним — к его хозяевам. Ничто в тот момент не могло уже остановить его: ни встречный поток ослепляющего света фар, ни грузно проносящиеся мимо огромные машины, иногда чуть ли не сбивающие его своими завихрениями из-под колёс. Он неудержимо рвался вперёд и абсолютно был уверен, что они его ждут на том же самом месте. Он представлял, как скоро сможет увидеть их, как уткнётся в их тёплые ладони и ощутит столь долгожданный, родной запах; он, наконец-то, сможет выразить всю свою боль и печаль, перенесённые за долгие дни разлуки.

Каково же было разочарование его, когда он не обнаружил их на месте. Своим острым чутьем Рэки улавливал всё ещё державшийся, едва заметный, такой знакомый запах. Разбитые очки хозяина всё так же оставались на месте. Обнаружив их, Рэк вновь вспомнил тот день и тот последний раз, когда хозяин по-дружески потрепал его за ухом. От нахлынувшей печали и отчаяния Рэки тихонько заскулил, — что оставалось ему делать? Куда идти? Где их искать?

Вдруг на какое-то мгновение Рэку показалось, будто что-то блеснуло в далёкой темноте за дорогой. Он сразу вспомнил существо, сорвавшееся с неба, и насторожился. Прислушиваясь и вглядываясь во тьму, он улавливал там некое движение. Затем уже явно вновь блеснули огоньки, и в поле по шелесту травы пёс вдруг заметил скрытное продвижение живого существа. «Это он. Это точно он», — как бы определил Рэк.

Ещё некоторое время, присев, Рэки взволнованно прислушивался к ночной тишине. Но всё было тихо. Успо-

коившись и поборов наплывы неведомого ранее страха, молодой пёс сам уже проявлял любопытство. Он решил идти навстречу незнакомцу. «Если это он, то я должен увидеть его», — так решил молодой пёс, и уже смело направился в его сторону. Спустившись с дороги, он пересёк неглубокий овраг и вышел на край поля. Принюхиваясь к ночному воздуху, Рэки улавливал множество разных запахов, но все они были уже знакомы ему. Ничего такого постороннего для запаха земли он не замечал. «Возможно, то существо само боится меня и потому так скрытно прячется», — подумал Рэк. И уже смелее ступил вглубь поля.

Поток воздуха от прогретого за день асфальта устремлялся от дороги, а лёгкий ветерок уносил его в сторону темнеющей опушки леса, и потому, наверное, Рэки не мог учуять запах, издаваемый тем существом. Даже луна, спрятавшись за проплывающим облаком, не была в тот момент на его стороне. Неожиданно впереди зашелестела трава, и Рэк в полной темноте заметил два проблеснувших огонька. Замерев на месте, даже не успев опустить приподнятую лапу, он увидел нечто, а вернее почувствовал и уловил его запах — запах неведомый ранее, но чем-то всё же знакомый, напоминающий собаку. Мгновенно он пробудил в нём ещё одно неведомое чувство, чувство жуткого и глубокого страха. И это был древний страх собаки перед волком. Молодой овчар никак не ожидал подобного тому, что испытывал, почуяв близко волчий дух. Инстинкт подсказывал ему, что бежать нельзя, но и идти вперёд — тоже. Он не знал, что делать.

Старый одинокий волк, бродивший близ человеческого жилья в поисках лёгкой добычи, совсем не желал встречи с огромным овчаром. Он давно

заметил его, но всё надеялся, что пёс не станет приближаться так близко. Старый волк понимал, что не сможет одолеть молодого и крупного пса, и потому, столкнувшись с ним, тоже не знал, как поступить дальше.

Постепенно приходя в себя, Рэки медленно опускал лапу. Неожиданно в траве раздалось глухое предупреждающее рычание, и Рэки, отдёрнувшись, сделал полшага назад. Мгновенно вскочив, волк принял угрожающую позу, но нападать пока не решался. К тому же Рэк не собирался убежать, — он был готов ко всему, но только не к бегству. И лишь это ещё сдерживало волка. Несколько минут длилось их молчаливое противостояние друг другу. Рэки, не издав ни звука, удивлённо и напуганно взирал на серого волчину, который, в свою очередь, никак не мог понять, что нужно было от него этому, невесть откуда взявшемуся здесь домашнему псу. Старый волк впервые видел столь смелого и глупого пса, и лишь волчья мудрость, оценив превосходство силы молодого овчара, не позволила волку проучить его. Одинокий старец, отступив и сделав несколько неторопливых шагов в сторону, трусцой, не спеша направился к опушке леса. А Рэки ещё долго оставался на месте.

«Так вот ты какой, существо с неба, — уже восторженно думал он. — Ты такой же, как и я, и запах у тебя почти такой же, только уж очень странный и зловещий».

Рэк не стал по обыкновению обнюхивать лёжку сбежавшего волка в траве, — ему хватило волчьего стойкого духа вокруг, чтобы уже навсегда запомнить этого чуждого ему брата. Но всё же Рэк прошёл несколько шагов вперёд, в сторону ушедшего его следа. Дойдя до края поля, он остановился у небольшого одиночного куста, мимо

которого только что прошёл волк, оставив на нём несколько клочков вылинявшей серой шерсти. По своей собачьей привычке, даже не желая того, Рэки пометил куст, означив этим как бы уже свою территорию. И лишь затем, развернувшись, поспешил к трассе.

Спустя некоторое время из леса вновь показался всё тот же волк. По каким-то своим соображениям он решил вернуться. Подойдя к помеченному Рэком кусту, волк недовольно сморщил нос, оскалив верхнюю челюсть, — ему не понравилась столь беспардонная дерзость молодого пса. Но старый волк ничего не мог с этим поделать. Его годы и стертые пожелтевшие клыки не позволяли ему поставить на место зарвавшегося домашнего пса. Лишь злобу в своём диком сердце волк затаил ещё глубже.

Но Рэк уже не мог видеть яростно сверкающих из темноты зрачков зверя. Оказавшись снова на прежнем месте, Рэки впервые успокоенно улёгся на обочине. Рядом с ним лежали запylённые разбитые очки хозяина. Он чувствовал их родной запах и потому был спокоен. Для него этот предмет означал многое, но главным было то, что хозяева ещё не появлялись здесь, а значит — скоро появятся. Он не мог допустить даже мысли, что люди, с которыми он никогда не разлучался, не вернутся за ним уже никогда. Он был уверен, что они вот-вот должны появиться. Успокоившись, он решил дожидаться их на том же самом месте, где они его и оставили.

Впервые в эту ночь кошмары не мучили Рэка. Лишь иногда он просыпался, заслышав далёкое приближение шума мотора одиночной машины. Всякий раз ему казалось, что это хозяева возвращаются за ним. Но автомобили, высвечивая фарами одинокую

собаку у дороги, не сбавляя скорости, проносились мимо и исчезали во тьме. И всё же Рэки не отчаивался, ведь его надежда была безмерной. Он решил, что больше уже не покинет это место, не дождавшись их, и ничто не сможет убрать его, и никто. Больше он не сядет ни в одну из машин с чужими людьми даже если ему будет очень плохо. Он теперь не должен покидать своё место, он должен ждать, несмотря ни на что. Он не может предать своих хозяев и обязательно дождётся их. Примерно такие чувства и мысли, овладев полностью Рэком, вселяли уверенность и укрепляли надежду в его ожидании.

Вот уже несколько дней Рэк продолжал ждать. Неподвижно сидя на обочине дороги, он целыми днями встречал и провожал взглядом пронесившиеся по трассе машины. Иногда, когда голод становился невыносимым или одолевала жажда, Рэки ненадолго покидал свой пост. Спускаясь с дороги и уходя в поле, но в пределах видимости с трассы, он выискивал какую-либо живность. Однажды ему удалось обнаружить небольшой ручей, бьющий ключиком из-под земли у края поля. Довольный, что нашёл для себя постоянный источник питья, и недалеко от дороги, Рэки стал более уверен в своих силах. Теперь ему не приходилось тратить столь много времени на поиски пустых консервных банок, заполненных дождевой водой и не успевших ещё высохнуть. Теперь он мог больше времени просиживать у дороги и ждать появления стареньких «жигулей» его хозяев. Его терпению и выносливости одиночного выжидания у дороги мог бы позавидовать любой пост ГАИ, и водители, конечно же, не смогли оставить без внимания сей факт. Те из них, кто уже не впервые замечал, наверняка, кого-то ожидающего овчара у дороги в одном и том

же месте, начинали сбавлять скорость, завидев ещё издали его одинокую фигуру. Чтобы уже затем внимательнее рассмотреть пса, а то и вовсе остановиться рядом и выйти из машины, желая как бы уже познакомиться с ним и, возможно, узнать причину постоянного его появления на этом месте. Но о чём мог рассказать им Рэк. Он лишь опускал голову, пряча свой умный и грустный взгляд, опечаленный тем, что это вновь не его хозяева.

И вот как-то раз, когда Рэки охотился в поле на мышей, на обочине дороги остановился старый «жигулёнок». Из машины появился пожилой водитель и окликнул его. Услышав своё имя, от неожиданности Рэк замер, но уже в следующую секунду, увидев автомобиль, напомнимый машину его хозяев, стремительно кинулся к дороге. Выскочив на трассу и оказавшись у ног незнакомца, Рэки резко затормозил и присел, вопросительно глядя на незнакомого человека. Его сияющий собачий взгляд, перебегая то на машину, то вновь на человека, как бы спрашивал: «Где, где они? Они здесь? Ну не томи, открывай машину».

Столь умный и проникновенный взгляд одинокого придорожного пса внезапно ещё более покорила человека.

— Эх ты — умница какой! И что же здесь ты делаешь, один? — слышался с хрипотцой, но добродушный голос. — Где же хозяева твои, умнейший ты сына... Ну, что, поедешь со мной?.. Ну, давай залазь, прыгай, — и человек приоткрыл дверцу машины.

В первую секунду Рэка немного расстроило то, что в машине больше никого не оказалось. Но запах из салона, запах старой обшивки, пропитавшейся бензином, женским парфюмом и какими-то медикаментами, ещё больше напомнил ему о хозяевах. И уже не раздумывая более, Рэк за-

прыгнул внутрь и уселся на заднем сиденье. Ему показалось, что этот человек знает, где находятся его хозяева, и, возможно, хочет отвезти его к ним. Поскуливая от нетерпения и елозя по сиденью, Рэки поторапливал водителя.

«Какой же всё-таки умный пёс», — ещё раз подумал человек и, повернув ключ зажигания, произнёс: «Ну, Рэк, вперёд».

Уже несколько дней подряд этот пожилой водитель «жигулей», выезжая на свой далёкий садовый участок и возвращаясь обратно, неизменно встречал в одном и том же месте этого пса — овчарку. Что он делал здесь, человек не знал, но видел, что пёс был домашним, и, возможно, потерял кем-то. Желание забрать пса с собой возникло у него только в это утро, когда он уже проезжал мимо, к себе на дачу. Человек остановился и позвал собаку. И так как пёс был овчаркой, а его неизвестное имя возникло в голове человека произвольно, то по всей вероятности он просто угадал его. «Рэк», — окликнул он, и пёс уже был у его ног. Это обстоятельство ещё больше укрепило желание забрать пса с собой и увезти на дачу. Там он и решил поселить этого, возможно, бездомного пса. «Всё будет польза и ему, и мне», — так думал человек, уже сворачивая к садовым участкам. Рэки пока ничего не понимал, и эта местность была ему совсем незнакома, но всё же он надеялся.

Остановив машину у забора уже своего участка, человек вылез наружу.

— Ну, Рэк, вот и приехали. Выходи, — произнёс он и открыл дверцу.

Рэки мгновенно выскочил из машины, но, не зная куда идти, в недоумении стал ожидать.

— Пошли, Рэк, — обратился к нему человек. — Вот твоё новое жилище, —

и открыл калитку в заборе. — Я думаю, тебе здесь понравится. Ты же умный пёс, должен сообразить, что здесь будет гораздо лучше, чем на дороге.

Рэки осторожно, но уже с опаской поглядывая на незнакомца, всё ж таки последовал за ним: он должен был выяснить, где же его хозяева, — может они находились в доме, за забором, откуда пахло таким домашним, почти знакомым ему. Приблизившись к садовому домику, Рэки понял, что хозяев в нём нет — их нет нигде.

«Зачем же он привёз меня сюда? И где мои хозяева?». Подобные вопросы тиранили мозг Рэка. Но ещё какое-то время он выжидал. И лишь затем, увидев вновь человека одного, вышедшего из домика с миской еды в руках, Рэки уже не раздумывал. Он понял — его хотят вновь пленить. Тут же, развернувшись к выходу и не обращая внимания на добрые уговоры человека и так вкусно пахнущую еду из миски, Рэки приблизился к ограде. Одним прыжком с места перемахнув невысокий забор, он поспешил вдоль садовых участков. «Рэк, куда же ты? Ко мне!» — последнее, что услышал Рэк, уже устремляясь к дороге. «Вот дурачок... поел бы хоть...», — вполголоса, но уже больше для самого себя, выговаривал несостоявшийся хозяин.

В тот же день, но уже вечером, возвращаясь обратно, человек снова встретился с Рэком. Пёс всё так же находился на прежнем месте. Остановившись рядом, пожилой водитель вышел из машины.

— Ну что, Рэк, ждёшь? — обратился он к собаке. — И кому же ты так предан? — уже восхищаясь его верностью, продолжил человек. — Вижу, молодец ты. Хороший ты пёс, верный. Поешь вот. Голодный, наверное, — и вывалил на обочину круто замешанную с хлебом еду из пакета. Запах от про-

варенных кусочков мяса дразнил и саднил нюх оголодавшего пса. Но он лишь опускал взгляд и уводил нос в сторону. Человек не стал дожидаться, пока пёс решится приблизиться к еде. Пожелав ему удачи, он сел в машину и уехал прочь.

Так Рэки вновь остался один. Только в этот вечер ему стало особенно грустно, и он уже не смог удержаться, чтобы не взвыть к небу. Раньше пёс даже и не подозревал, что может издавать такие протяжные стоны. Но то, что он чувствовал сейчас, не могло удержаться внутри его. Эти боль и отчаяние, и тоска по потерянным хозяевам, неудержимо разрывали его собачью душу и вырывались наружу. Пустынное темнеющее небо ещё больше придавало ему печали. Он даже не видел на нём ни одного взгляда тех странных существ. Казалось ему, что все покинули его. Но вдруг, в какое-то мгновение, его слух уловил еле заметное, далёкое ему подвывание.

Старый волк, бродивший в округе, заслышав тоскливый, отчаявшийся вой одинокой собаки, не смог удержаться, чтобы не подхватить пронзающую призывом дикую песнь. Но Рэки тут же умолк. Он не мог делиться своим горем с этим существом, вызывающим лишь жуть в сердце домашнего пса. Вой волка ещё долго слышался окрест. Но этот вой уже не проявлял сострадания; возможно, он уже призывал кого-то ещё. И Рэки это почувствовал. Внезапно вою старого волка отозвался похожий клич, но уже с другой стороны. Заслышав его, Рэк насторожился. Завывание ещё одного, такого же существа с неба, привели Рэка в некое замешательство, — теперь он почувствовал страх. Но ему некуда было бежать, да и не собирался он этого делать. Скорее он умрёт на этом месте, чем покинет его.

Сгущались сумерки. Затянутое тучами небо скрывало сверкание звёзд и свет луны, и это ещё больше омрачало наступающую ночь. Лишь изредка по трассе проносились машины, высвечивая из тьмы одинокую фигуру собаки. Рэки сидел и ждал. В эту ночь сон не приходил к нему. Настороженно прислушиваясь к шорохам из темноты, Рэки ожидал возможной встречи с небесными существами, ведь их на небе не было, а значит — они были здесь, на земле; и их голоса он уже слышал. Смирившись с участью, выпавшей на его долю, Рэки уже не боялся их. Он стал уверен в себе и своих силах.

В одночасье повлажневший воздух усилил запахи вокруг. Обладая острым чутьём, Рэки улавливал далёкий запах тех существ. Вдруг до слуха его донёсся вновь их вой. И, как ему показалось, их уже было несколько. Несмотря на то, что Рэки смог побороть свой страх перед ними, сердце его сжалось в комок. Но дрожи он не почувствовал, наоборот, это лишь придало упругости его сильному телу. Сжавшись стальной пружиной, готовый в любой миг сорваться в бросок, Рэки ожидал, — он уже почувствовал их приближение.

Две пары звериных глаз замерцали во мраке. Затем поодаль высветилась ещё одна. Рэк, заметив их, отошёл к противоположной стороне трассы, чтобы избежать внезапного нападения. С каждой минутой он всё острее ощущал их дух. И вот один из них, выскочив, появился на обочине дороги. Но переходить через неё и приближаться он не стал. Рэк узнал его, — это был тот же старый волчина, который, возможно, и созвал свою братию, чтобы расправиться с домашним псом. Следом появились ещё двое и уже смелее вышли на середину трассы. Волки, пригнувшись, оцени-

вали свою жертву. Эта парочка явно выражала своё тесное содружество, и по-всему это были волк с волчицей. Их логово, вероятно, находилось где-то поблизости.

Волк с волчицей, конечно же, давно знали, что на их территории поселился домашний пёс. Но до этого времени пока не желали расправы над ним, ожидая, пока подрастут их волчата.

И вот, заслышав в ночи призывный одинокий голос бродячего собрата, молодая сестра-волчица решила — таки, и волк последовал за ней. Но вид смело вставшего перед ними огромного овчара немного охладил их пыл. Издавая глухое рычание, волки перетаптывались на месте.

Напружинив каждую клетку своего тела, словно вздыбленный гранитный осколок, Рэки ожидал. Он ждал молча. Лишь иногда, с едва заметным клочкотанием в горле, он обнажал свои крепкие, отливающие белизной во тьме клыки. И это тоже, в какой-то степени, пока сдерживало волков. Если бы хоть один мускул на теле Рэка дрогнул, если бы хоть на мгновение он почувствовал страх или сомнение в своих силах, они мгновенно бы набросились на него. Но подсознание зверей, подчиняющихся инстинкту давало слабину пред откровенной храбростью. И Рэки это чувствовал. К тому же волки, не обладая достаточно веской причиной уничтожить пса, не имели столь явного желания сиюминутно кинуться в драку. За Рэком же стояла жизнь, и он не собирался отдавать её.

Вот уже несколько минут длилось их противостояние. Волки выжидали проявления малейшей слабости Рэка, заходя то с одной стороны, то с другой. И лишь старый волк, крутясь позади и изрыгая злобу, всем своим видом подталкивал их к дерзкой ата-

ке: слабого старого волка раздражало всё, но больше всего — откровенная неуверенность напарника волчицы. И потому с каждым мгновением, перетаптываясь, волки всё же постепенно приближались к Рэку. Казалось, ещё секунду — и тишина взорвётся от их рычащего нахрапа.

Через мгновение всё так и произошло. Но кинулся пока лишь один старый волк. Обезумев от ярости, он не смог сдержать своей злобы и тут же поплатился за это своим ухом: мгновенным и стремительным рывком Рэк молниеносно рванул, отбросив старого волка в сторону. Молодые волки даже не могли ожидать подобного и потому не смогли воспользоваться моментом. Сияющие огнём зрачки их немного потускнели. Рэк понял, что перевес его стал очевиден. Но это пока ничего не означало, ведь волки просто так не уйдут.

Поскуливая, с оторванным ухом, старый волк уже не испытывал решимости ещё раз броситься в атаку. Но он всё так же оставался рядом и лишь от злобы иногда покусывал несмелую волчицу. И этого она не смогла вынести: её стремительный рывок вперёд спровоцировал атаку молодого волка, и тот первым набросился на пса.

Сцепившись с волком, Рэк не чувствовал себя. Его отчаянная решимость — не даваться просто, охватила каждую клетку его тела. Он не чувствовал ни боли, ни ярости, ни гнева. Всем его существом овладело лишь одно хладнокровное желание — придушить зверя.

Скатившись кубарем с дороги, волк и пёс беспощадно рвали друг друга. Они боролись насмерть, и уже никто не мог разнять их. Волчица же, крутясь вокруг, лишь выжидала удобного момента, чтобы уже наверняка нанести смертельную рану; её сучий инстинкт

не позволял ей напрямую вязываться в драку и жертвовать своим здоровьем, ведь она была волчицей, а значит — должна была рожать волчат, к тому же волчица пока ещё надеялась на силу своего избранника. И только изредка, когда ненависть к псу и звериная ярость перехлёстывали её материнский инстинкт, волчица кидалась в сторону Рэка, нанося ему болезненные укусы — куда подвернётся.

Но Рэк, не обращая внимания на её укусы, лишь более наполняясь неистовой силой, с каждым разом всё увереннее вцеплялся в горло волка. Яростное дыхание зверя, постепенно задыхаясь, захлёбывалось в своём бурлящем клокотании.

Всё это наблюдал с дороги старый волк. Но сам не лез. Его залитая кровью морда, и глаза, и нос не могли точно определить, кто и где был в этой смертной схватке. И всё ж одним ухом волк мог слышать уже приглушённое клокотание крепко сдавленного горла своего собрата. Он слышал и яростное набрасывание волчицы. Но на помощь им почему-то не спешил. Возможно, старый волк доверял своей сестре-волчице и был уверен, что домашнему псу, одному, не выстоять против двух его диких собратьев и смерть пса будет неизбежна. Но шло время, а бой всё не стихал, лишь хрипы сдавленной Рэком глотки молодого волка с каждым мгновением становились всё тише.

И тут, не выдержав злобы и уже пренебрегая своим исконным инстинктом, волчица накинулась на Рэка сверху и вцепилась ему в загривок. Если бы в этот момент Рэк не отпустил задыхающегося волка, то жизнь его, наверняка уже закончилась бы.

В один рывок, резко вскочив с волчицей на спине, Рэк бросился спиной о камень, по случаю торчавший рядом из земли. Волчица, взвизгнув

от острой боли в позвоночнике, на мгновение ослабила хватку, и уже в следующее мгновение Рэк перехватил её горло.

Тем временем, почувствовав открывшееся свободное дыхание, чуть было не придушенный молодой волк успел вскочить с земли, но не успел и не смог так же решительно наброситься вновь. Этого момента хватило Рэку, чтобы резко рвануть горло поверженной волчицы: её предсмертные хрипы раздались в тишине ночи. И в ту же секунду Рэк снова готов был к драке.

Но волк, уже потеряв достаточно сил и не испытывая первичной ярости, и ощущая при этом каждой клеткой ослабевшего организма превосходящую силу своего врага, осознавал неминуемость поражения. И всё же, сделав несколько шагов в сторону Рэка и тяжёло дыша, зверь снова кинулся в бой, возможно, последний свой бой.

Вновь сцепившись с овчаром, волк тут же захлебнулся в бессильной злобе; с каждым мгновением силы покидали его. И лишь Рэк не чувствовал ни усталости, ни боли в порванных мышцах, — правда жизни неизменно оставалась на его стороне и придавала ему неиссякаемый поток энергии. Рэки отстаивал свою жизнь, совсем не собираясь погибать: у него были дела куда важнее, и, возможно, ещё и поэтому пёс оказался сильнее дикого собрата.

Старого волка уже не было видно на дороге, — он понял, что им не одолеть молодого и неизвестной силы огромного овчара. Внезапно заслышав смерть своей сестры-волчицы, старый братец поспешил покинуть место.

Уходя к темнеющей опушке леса, старый волк ещё слышал доносящиеся звуки смертельного поединка. Но уже у края поля всё затихло. остано-

вившись, волк долго приноживался и прислушивался одним ухом к тишине ночи. Он всё ещё надеялся услышать голос своего серого брата или хотя бы учуять его живой дух. Но шло время, а духа его он не улавливал, и старый понял, что чудом сам остался жив. И тут, как бы в подтверждение, до него донёлся далёкий и слабый дух живого пса. Зачуяв его, уже в бессильном гневе волк начал рвать кусты и мочалить зубами ветки: его серое сердце, наливаясь неистовой злобой, переполнялось ещё более глубокой ненавистью к этому чёрно-рыжему псу.

Истерзанный, но живой, Рэк с трудом выбрался на трассу. В придорожной канаве остались лежать волк с волчицей. Им уже не суждено будет вырастить своё нынешнее потомство; их волчата уже никогда не станут взрослыми волками. Но Рэки ничего не знал об этом, он просто отстаивал своё право на жизнь и ничего не имел против жизни волков. Измождённый и обескровленный, Рэк тихо лежал на прежнем месте.

Чёрное влажное небо тугими тучами прижимало ночной мир к земле. Ещё сырее стал воздух. Где-то вдали блеснула молния, осветив на мгновение землю. Но Рэки даже не отреагировал. Боль по всему телу нарастала сильнее, чем гром, раздавшийся следом. Первые крупные капли, разбиваясь мелкими брызгами, застучали по поверхности дороги. Несколько капель упали и на Рэка, попав в рваную рану на спине. От мгновенной и резкой боли пёс неожиданно дёрнулся и открыл глаза. Увидев лишь черноту вокруг, Рэк снова прикрыл веки. Он не пытался встать, чтобы спрятаться куда-нибудь. Крупные холодные капли дождя, попадая в его глубокие раны, хоть и причиняли кратковременную и дополнительную боль, но всё же несли

облегчение, остужая их и оживляя истерзанную плоть.

Сильнее и громче забарабанил дождь по трассе. Этот шум немного успокаивал Рэка, а холодные и уже упругие небесные струи, остужая его горячее тело, омывали запёкшиеся кровью раны, и боль постепенно стихала.

Лишь к утру измученный Рэки смог погрузиться в дрему. Дождь, пройдя полосой, опаивал землю где-то уже на горизонте. Сырое и серое утро наступающего дня ничего хорошего не предвещало Рэку. Его мокрое и обесилевшее от непроходящей боли тело почти недвижно лежало у края дороги. Мимо, разбрызгивая мелкие лужи по асфальту, уже промчалось несколько машин, но Рэки не отреагировал на них, он лишь иногда вздрагивал при их приближении. Но когда вдруг один из автомобилей остановился рядом, то он уже не смог не приподнять головы и не повернуть её в сторону вышедшего из машины человека.

Рэки узнал и машину, и хозяина этих стареньких «жигулей». Человек, что ещё вчера оставил Рэка одного, пожелав ему удачи, теперь вновь встретился с ним. С ещё более погрузневшим взглядом, но всё же с лёгким приветствием в глазах встретил Рэк недавнего знакомого.

— Рэк, милоч, что же это с тобой случилось? — ещё непонимающе произнёс человек и, склоняясь над ним, уже сочувственно и с жалостью добавил: — Эх-а, Рэк, кто же это тебя так?

«Если б даже я и сказал тебе, дружище, то вряд ли ты поверил бы мне», — читалось в глазах овчара. Пронзительно, но без жалобы смотрел на человека пёс. Вот только сам человек, при виде порванной его спины, не смог уже сдержать своей душевной боли и изумления от столь его глубоких и многочисленных ран.

— Эх, милоч, не машина это тебя, точно — не машина. А я уж было подумал, что так оно и есть, — выговаривал человек. — Ну, потерпи ещё чуток... что-нибудь придумаем сейчас, — вздыхая, и с болью в словах, произносил не состоявшийся хозяин Рэка. «Разрывы, видно, от клыков, — неужто волки? — мысленно рассуждал пожилой человек. — Но почему же не загрызли пса? Они бы уж точно его живым не оставили... Ничего не понять... может ещё какие-другие псы? Мало ли их, одичалых, в округе шастает». Человек отошёл к машине. «Да нет — вряд ли псы на такое способны, — продолжал размышлять старый водитель, доставая автоаптечку из багажника и полотенце из своей походной сумки. — Так порвать могли лишь только волки. Странно всё же, не мог он выстоять против них».

— Неужто с серыми дело имел? А, Рэк? — обратился он к израненному псу, накладывая слегка смоченное спиртом полотенце на тело Рэка. — Ну, потерпи чуток, сейчас гораздо легче станет, — ласковым тоном успокаивал человек собаку. — Ну что, полегчало?.. Эх, милоч, хочешь ты того или нет, а придётся-таки тебя забирать, вряд ли ты здесь один выдюжишь, — подхватывая снизу, пытался приподнять овчара его спаситель. — Ну и здоров же ты, Рэк, — поднатуживался он, желая не причинять беспокойство ранам пса.

Рэки понимал заботу постороннего человека и потому, претерпевая боль, привстав, сам как бы помогал ему.

С трудом, но без надрыва, человек втащил овчара в салон на заднее сиденье. Вновь очутившись на знакомом ему месте и вновь вспомнив вчерашний день, когда его охватывала радость от возможной встречи с хозяевами, Рэки глубоко вздохнул.

— Ничего, Рэк, оклемаешься ещё. Побегаем с тобой по полюшку, постреляем волков по зиме, — успокаивающе заключил его спаситель.

Человек был не только старым водителем и любителем покопаться в земле на своём садовом участке, но ещё и старым, заядлым охотником-выжлятником: любил он, по сезону, погонять с борзыми по полю зайцарусака, а то и лиса; бывало, и волков постреливал — нынче много их развелось в округе. Порой волки заходили и в сёла, утаскивая бездомных собак. И охотхозяйства, поощряя облавы на серых, за каждого убитого волка премировали охотников деньгами.

Оставив пса в машине, мужчина стоял на обочине и вглядывался в мокрую мгlistую даль. Возможно, старый охотник предчувствовал близость волка, скрывающегося за полем, в густом лесу. Но, возможно, он хотел увидеть что-то ещё, что помогло бы ему узнать, откуда вышли этой ночью волки; и волки ли это были, что поврали пса.

И вот, когда он уже хотел забраться внутрь машины, его вдруг внезапно потянуло к противоположной стороне дороги; и точно, чутьё охотника не подвело и в этот раз. В кювете, за дорогой, в придорожной канаве, поодаль друг от друга лежала пара волчьих трупов. «Не может быть!» — изумился старый охотник. Тут же, быстро спустившись в кювет, человек приблизился к одному из них. Волк оказался волчицей. Её разорванное горло, залитое запёкшейся кровью, подтверждало смерть от мощных клыков овчара. Удивляясь ещё больше и не веря своим глазам, человек осмотрел другой труп. Этот был гораздо крупнее волчицы, но не крупнее пса, которым был придушен. «Волчица и волк — возможно, пара, — задумался охотник. И всё-таки, как

же так случилось? Впервые вижу, чтоб пёс, один, учинил такое. Видать, силён овчар, и духом не слаб, раз такое сотворил». — «Ну и молодец же, псина. Кто бы сказал — не поверил бы», — уже вслух, не сдержавшись, удивлённо и восторженно вымолвил издавший виды охотник-собачатник.

Возвратившись к автомобилю, человек было приоткрыл его багажник, но затем передумал. «Лучше будет, если потом вернуться за волками, с сыном. Одному-то мне их не осилить», — рассудил он так. Затем уже сел в машину.

— Ну и здоров же ты, Рэк, — оборачиваясь к собаке, проговорил человек. — Не ожидал такого! Видать — мощей у тебя в достатке, значит — выдюжишь.... Ну что, приятель, поехали? Думаю, теперь не станешь убежать? А, Рэк? — как бы приободряя его, обращался он к овчару.

Взревев, затарахтел старенький мотор. Развернувшись в один приём на трассе, «жигулёнок», прибавляя скорости и шума от прогоревшего глушителя, заспешил обратно — к дому.

Окутанный теплом влажных простыней, смоченных отваром каких-то трав, Рэки тихо лежал в углу чужой квартиры, но ощущение чего-то такого, очень знакомого ему, почти родного, всё более становилось очевидным для него: голос женщины, мягкий и добрый, издаваемый хозяйкой дома, успокаивая, навевал подзабытые воспоминания. Голос женщины, чем-то напоминающий голос его хозяйки, звучащий нежно и ласково над ним, действовал на боли ран лучше любого наркоза, и, незаметно для себя, Рэки погружался в глубокий сон.

— Помнишь, я рассказывал тебе об этом овчаре? — обращался отец к сыну. — Так вот, это он и есть. Такое

сотворил — почитай всю стаю уничтожил! Силён пёс, и молод ещё. Надо бы поаккуратней с ним — пусть привывает. Глядишь, попривыкнет к нам, то волков ещё подавим с ним.

— Да ладно, батя, нужен тебе этот пёс? Своих-то борзых прокормить не можем. А тут ещё и этот, волкодав! — с юношеским максимализмом отвечал отцу подросток.

— Ну, сынок, ты скажешь! Борзые-то ему, по волку, и в подмётки не годятся, — наставлял отец молодого сына. — Сейчас поедем, вот там сам и увидишь.

— Ни фиги себе! — воскликнул подросток, увидев с дороги трупы волков. — Да тут целая бойня была.... Ни фиги! — продолжал восклицать он, уже подходя ближе к ним. — Смотри, батя, горло как располосовал ей, — указывая на волчицу, удивлялся мальчишка.

— Ну... теперь-то видишь, о чём тебе говорил. Этому псу могут многие волкодавы позавидовать, — и, помолчав, добавил: — Хотя завидовать-то нечему. Вон как изуродовали... зверьё, одним словом, оно и есть зверьё.

Выдержав снова некоторую паузу, отец продолжил:

— Тут где-то должно быть их логово, иначе бы они не оказались рядом. Волчата, должно быть, есть там, — как бы пояснил причину разговора. — Надо бы их найти. Осень скоро, а там зима, если выживут, — соберутся в стаю, тогда добра не жди от них.

Уже на садовом участке, содрав шкуру с волков — не пропадать же добру, так решил старый охотник — отец и сын закопали волчьи трупы как можно глубже в землю.

— Ну, вот и порядок, — вымолвил старший. — Шкуры пока засолим... Время будет потом, выделаю. Как раз тебе на меховые сапоги сгодятся.

Будешь потом благодарить Рэка. В любую зиму ноги не замёрзнут!

— Да тут не только сапоги, тулуп получится! — возражал сын.

— Там видно будет. Может, и на тулупчик выйдет, мне. Буду потом собак своих пугать.

Отец и сын ещё долго переговаривались впустую.

— Давай-ка, сынок, о деле поговорим, — прерывая бессмысленный разговор, вымолвил отец. — Завтра надо уже с борзыми обследовать ту местность. Их логово, думаю, должно быть неподалёку, и волчат надо найти, пока не разбежались.

— Завтра — так завтра, — не возражая, ответил младший. — Чё, ружьё-то возьмём?

— Зачем же ружьё! — так, живём изловим, в мешок. А там егерю сдадим. Пусть уж сам решает — куда потом их.

Старый охотник уже обдумывал завтрашний день. Ему не терпелось быстрее найти логово. Да и вознаграждение получить можно будет. «Собак-то своих, действительно, кормить уже нечем», — подумав о деньгах, мысленно согласился и сам уже.

— Да, ты матери-то ничего не говори, — наставлял отец сына уже в машине, — не любит она таких вещей. Не поймёт она нас, да и нечего её лишний раз волновать.

— Да понял я, понял. Знаю, что жалко ей всех. Вон как над псом этим трясётся! — с лёгким осуждением говорил сын о матери.

— Ты мне и думать об этом забудь — о матери так думать! — грубовато вдруг напустился отец на сына. — Она тебя вон сколь лет ждала, родился ты уже поздно. Ночей не спала, берегла тебя как зеницу, — уже чуть мягче выговаривал отец, — хлопенький ты родился. Не её бы доброта да неж-

ность, возможно, и не выжил бы ты... Так что, не смей даже и думать о ней плохо. Узнаю, самого как волчонка в мешок упрячу.

— Да ладно, батя. Я чё такого сказал. Добрая мамка у нас, знаю, — и замолчал.

До самого дома они уже не разговаривали.

Рэки проспал почти весь день, даже не чувствуя боли. Возможно, то настой травы так действовал; возможно, ласка женщины так успокоила его, а возможно, и обезболивающий укол, сделанный жалостливой хозяйкой. Но, скорее всего, всё вместе. Рэки давно уже не ощущал себя так спокойно. Пробудившись лишь ближе к вечеру, он не сразу понял, где находится: ему вдруг показалось, что он у себя дома: всё вокруг было таким похожим, и даже голос своей хозяйки, казалось ему, он слышит рядом. Но это лишь казалось, уже в следующее мгновение Рэк понял, что находится в чужой квартире. Но голос женщины, продолжавший звучать в другой комнате, всё ещё напоминал о его хозяйке и продолжал удерживать его в некотором смятении. Рэку захотелось встать и пройти туда, но вдруг он услышал прозвучавший в след словам женщины уже знакомый голос с хрипотцой. И тут наконец-то Рэк понял, где он, и вспомнил всё. И сразу раны дали знать о себе. Заскулив тихонько — претерпевая боль, но большей частью с чувством тоски, Рэк вновь припал к подстилке под ним.

— Завтра, с утра и пойдём, — звучал по квартире мужской голос.

— Олечку-то зачем берёшь? Пусть бы дома остался... В хозяйстве вон помочь надо будет завтра, — продолжала разговор женщина.

— Оставь всё пока, — отвечал муж

жене. — А без Олега я не смогу, — продолжал. — Да и собак заодно прогуляет, ему же и полезнее будет. А то всё время дома... Сама знаешь, воздух ему нужен свежий. Растёт ведь парень.

Рэки тихо лежал и прислушивался к разговору людей. Он почти понимал их слова и потому понял смысл их разговора: ему стало ясно, что хозяин собирается следующим днём ехать куда-то, и не один, возможно, с этим, поменьше, человеком, что так брезгливо отнёсся к нему в первый день.

Из комнаты показалась женщина и приблизилась к Рэку.

— Ну, как ты тут? Проснулся уже? Вот и умничка, хороший, — ласково выговаривала она, а затем, продолжая произносить — «умничка, хороший», с сочувствием прикоснулась к нему и нежно провела ладонью по верху его изрезанной волчьими клыками головы.

Рэки чуть вздрогнул, и даже боль немного притихла: ласка женщины вызвала дрожь по его истерзанному телу, что в свою очередь приглушила импульсы боли, исходящие от многочисленных ран. Он проникновенно смотрел в её глаза и видел в ней — свою хозяйку, но, может быть, и просто хотел видеть.

Его взгляд, каким-то странным образом, казался женщине совсем уж человечим, и это ещё более усилило её сочувствие. Столь глубокое её сопереживание его собачьей участи не могло не отразиться на чувствах умного, но покалеченного судьбою пса. Внезапно взгляд овчара повлажнел, и он опустил свою приподнятую морду: пёс, словно человек, прятал глаза. Переполнившись вдруг глгучей печалью, Рэки почувствовал, как его ослепило резью, и образ женщины расплылся в электрическом свете. Но это были мгновения. Лишь одна

крупная слеза, смыв жгучесть с глаз, блеснула влажной дорожкой.

Впервые увидев собачьи слёзы и взгляд, пронзающий горечью лишений, женщина не смогла сдержать сердечного надрыва: её душа, всколыхнувшись, уже сама чувствовала всю внутреннюю боль его. Она вдруг поняла, что эта боль — не боль от ран, а та, что рвёт печалью сердце, от разлуки.

— Ну, что ты, милый... Чей же ты такой? — успокаивая лаской собаку, проговорила женщина. — Кто ж тебя оставил, такого умницу. Неужто сердца в них нет.... Ну, не тревожься, всё хорошо будет, малыш, — продолжала она успокаивать его. И Рэку становилось легче.

Но и потом ещё он долго думал о хозяевах и лишь к полуночи смог вновь задремать.

Утро последнего дня августа прохладой обдавало лица людей. Отец и сын пересекали уже убранное поле и, сбивая со стерни росу, быстрыми шагами направлялись к лесу. Пара выхолощенных борзых псов, удерживаемых на поводке, потягивала в сторону: им неудержимо хотелось воли и резвого бега. Но хозяева не отпускали их, направляя к дороге у лесополосы. Там, за грунтовой, у края леса проходил неглубокий овраг, углубляясь в землю всё далее по склону. Внутри оврага было много разных тропок, протоптанных дикими обитателями лесостепи. Их привлекала его скрытость и возможность легко найти там пищу. Высокое, сочное разнотравье, устилавшее русло этого неглубокого каньона, давая корм всевозможным мелким грызунам, притягивало и тех, кто не прочь был отведать уже и вкуса самих грызунов. Ходили там и волки. Туда вот и поспешали люди, надеясь

встретить по оврагу свежий волчий след, надеясь на то, что смогут быстро отыскать и само волчье логово. Но собаки уводили их всё дальше, вглубь, а то место, где могло быть молодое волчье племя, ещё не обнаруживалось.

— А может, батя, нет здесь никакого логова? — уже не выдержал не отличающийся терпением подросток.

— Да здесь оно, здесь, псы зря не поведут.

— Давай лучше поедим! Я чё-то есть хочу уже.

— Не шуми. Звук по оврагу далеко несёт, — прерывая сына, тихо звучал голос старшего. — Не время ещё живот набивать.

Солнечный диск приблизился уже к полудню, а борзые продолжали вести. Если б они были не на поводках, то, наверное, сами быстрее б достигли того места, куда указывал им волчий дух. Но псы, подчиняясь людям, шли почти вровень с ними.

И вот вдруг крепче натянулись их поводки — собаки заспешили. Зачув близость духа серых, псы порывались вперед, и уже через какое-то время слышался их визг. Ещё крепче псы натянули повод.

— Спусти ты их! — в азарте произнёс подросток.

— Не дело — собак на щенков спускать. — Ответ отца немного вразумил.

Представив себя щенком, сын замолчал. И даже интерес его к охоте поубавился.

Вдруг под обрывом, внизу, среди размытых старых корней давно свалившейся в овраг берёзы мелькнула маленькая серая тень: один волчонок, тот, что был смелее и крупнее других, последним юркнул в нишу под берёзой. Неистово заголосили псы, порывая поводки. Звучали похвала людей и голос команды — не брать их. Псы не понимали, но, всё же, подчиняясь

хозяину, пытались успокоиться. Поворачивая морды то к человеку, то в сторону мелькнувшей тени, псы будто проговаривали: «Ну, вот же они, пусти, хозяин, мы возьмем их».

— Видал? — вымолвил младший.

— Удивительно то, что он дождался нас, а ведь слышал давно, мог бы уже и спрятаться, — отзывался отец сыну. — Этот волчонок не прост, — любопытен очень, а значит — умён. Бестия, а не волк вырос бы...

Привязав борзых к стволу берёзы, люди распрягались, снимая с себя рюкзаки и расчехляя их: сапёрные лопатки, топоры, мешки и другой нужный скарб, вытаскивая, приготавливали охотники.

— Батя, а ты брал когда-нибудь волчат? — с вопросом, лишь бы что-нибудь спросить, обратился сын.

Отец не отвечал. Он молча доставал из рюкзака своё снаряжение и лишь искоса поглядывал в сторону сына. Он понимал, что не так просто будет их взять: щенки большие, и уже сами могут постоять за себя. «Главное, чтоб не разбежались, когда разроем», — промыслил старый охотник, поглядывая на собак. Затем достал толстые меховые рукавицы и, выложив их на видное место, уже взглянул на сына.

— Ну, начнём? — неожиданно произнёс отец. — Ты только, если что — отпусти собак, — говорил он, — а я начну. — И тут же приступил к раскопу.

Взрывая лопатой землю сверху норы, человек, расширяя вход, подбирался к логову. Неистребимым, стойким волчьим духом несло вокруг. Не выдерживая, псы иногда срывались в неистовый лай.

А в это время глубоко в норе, забившись в самый дальний угол, затаилось четверо щенков волчицы. Трое из них, прижимаясь как можно плотнее друг к другу и замерев от жуткого страха,

уже готовы были к своей участи. И лишь один, что последним заскочил в нору, не испытывал той жути, которой поддались три его сестрицы. Пока снаружи человек раскапывал вход, этот большелобый щенок волчицы, одарённый не только смелостью, но и хитросплетённым клубочком мозга старался использовать последнюю возможность, чтобы выжить. Ещё давно для себя обнаружив неглубокую расщелину за камнем, который был частью одной из стенок логова, волчонок теперь всю старался расширить её. Усиленно отбрасывая землю своими маленькими лапами, большелобый щенок стремился как можно быстрее зарыться в расширяющуюся нишу. Не обращая внимания на боль под коготками и на кровоточащие подушечки лап, волчонок углублялся всё дальше за камень. Сестрички же его, напуганно устремив свой взор к входу в логово, не смели даже повернуться в сторону брата, продолжающего без устали отшвыривать землю к их ногам. Возможно, они надеялись на свою мать, ожидая тихо, как и положено щенкам волчицы, её появления. И потому уже их участь была предрешена.

И вот, когда стало возможным дотянуться до волчат рукой, они, один за другим, стали исчезать из логова. Большелобый видел, как огромная мохнатая лапа жутко пахнущего существа поочередно хватала его сестриц и вытаскивала наружу. Они, смирившись, даже не пытались укунить его.

Забившись в нишу, вырытую за камнем, большелобый ждал своей очереди. Но он бы просто так не дался. Он ждал, что вот-вот мохнатая лапа коснётся его, и, уже готовый вцепиться в неё со всей своей щенячьей злобой, наверное, порвал бы её в клочья.

— Держи последнего, — протягивая волчонка к распахнутому мешку, об-

ратился отец к сыну. — Снова сучка. Все три — и сучки. Только представь, сколько бы их стало года через два, — объясняя неоспоримую пользу своего дела, выговаривал он. — Не зря! Не зря, Олежка, мы тут с тобой раскопы вели. На целых три стаи в округе меньше станет. Зверью поблага выйдет, да и нам тоже, — продолжая объяснять пользу, как бы уже оправдывал свой поступок старый охотник, — зайца, так это точно, больше будет. Чем не благо для них?.. Верно говорю? Как думаешь?

Сын молча перевязывал верёвкой мешок.

— Тащить обратно тяжеловато будет, — чуть позже вымолвил он.

— Ничего, дотащим. Невелик уже труд, — тихо и спокойно отвечал пожилой отец, мысленно уходя в сторону от темы. Затем он и вовсе замолчал и до самой дороги уже не проронил ни слова.

День близился к завершению. Получив расписку о сдаче трёх волков в охотхозяйство, пожилой человек устало направлялся к своему дому. На улице всё ещё резвилась детвора. От футбольного стадиона, за посёлком, разносился шум и крик людей, гоняющих по полю мяч. Где-то в соседнем дворе раздавались аккорды гитары и слышались голоса поющих. Люди отдыхали всюду, казалось, что у всех был праздник. Тёплый вечер, ещё августовский, последнего дня лета настраивал на добрый отдых. Но человек, что шёл сейчас по этой улице, не испытывал радости. Вроде всё получалось у него правильно, верно, а вот только в душе его почему-то было неладно и хмуро.

Войдя во двор, окружённый высоким забором, человек приблизился к дому. Рядом с домом в просторной вольтере, огороженной металлической

сеткой, полёживали, в ожидании вечерней порции еды, борзые псы. При виде хозяина они подскочили к ограде и, подавая голос, напоминали о своём праве — быть сытыми. В хлеву, заждавшись дойки, мычала корова. Поодаль от неё, в сарае визжали подросшие поросята, и куры, кудахча, бегали от петуха по всему двору. Жизнь вокруг хозяина кипела, но лада с ней он уже не испытывал.

Войдя в дом, хозяин понуро прошёл в комнату, где тихо в углу лежал израненный пёс.

Зачув приближение человека-охотника, пёс приоткрыл глаза, и в то же мгновение приподняв морду и немного привстав, Рэки внезапно издал глухой рык: он чуял волчий дух, исходящий от человека.

— Ты что это, Рэк? — удивился хозяин дома. — Что это с тобой?

Но Рэки продолжал рычать, ощерив морду.

И только тут человек догадался — от него несло волком, и Рэки отреагировал как и положено ему. Для него этот запах теперь уже навсегда будет запахом лютого врага.

— Ну, хорошо, хорошо, Рэк. Ухожу я, ухожу, — выговаривал хозяин, возвращаясь обратно.

«Вот молодец-то пёс, другой бы на его месте хвост зажал бы, а этот — еле живой, но хоть сейчас готов снова биться. Молодец пёс. Хорошим волкодавом станет», — подумал он, уже выходя из дома.

Рэки ещё долго не мог успокоиться: волчий дух, будоража его память, воскрешал недавнее событие с ним. Вспоминая схватку с волками, он помнил, как перервал глотку той, чей дух он ощутил сейчас. И это вызвало в нём странное чувство. Ко всему, улавливая в запахе что-то ещё щенячье, Рэки ощутил некую множественность

волчицы и потому недоумевал: «Она где-то рядом, и с ней ещё несколько таких же, как и она, только они гораздо слабее её. Но почему их дух с человеком?». Рэк не мог ничего понять и лишь насторожился, ожидая неизвестно каких моментов.

В эту ночь Рэки вновь не смыкал глаз. Необъяснимым чутьём он чувствовал какое-то странное беспокойство. Всё ещё улавливая слабый дух волчицы и её щенков, Рэк всё время вспоминал момент, когда волчица кинулась на него и вцепилась в загривок. Но далее ему представлялось уже то, чего не было: несколько таких же, как и она, но гораздо меньших в размерах, набрасывались на него сзади и впивались своими мелкими и острыми зубами под шкуру. Он чувствовал, как боль от этих укусов отдавалась по всему телу. Этого Рэк совсем не мог понять и потому не мог успокоиться.

А в эту же ночь, почти в одно и то же время, но далеко от человеческого жилья и того места, где тревогою мучился Рэк, в глухом глубоком овраге, под бледным светом уже осенней луны, жалобно поскуливал одинокий волчонок. Его маленькое дикое сердце исходило печалью, тоскуя о пропавших своих сестрицах. Ему было очень плохо одному, и потому, задрав свою острую мордочку к небу, он призывал своих родителей как можно быстрее вернуться. Его пронзительное поскуливание, иногда переходящее в повизгивающее щенячье завывание, призывным эхом разносилось по всему оврагу. Но ему никто не отзывался, а значит — его родители были где-то очень далеко. И волчонок продолжал тоскливо взывать, ведь он теперь не знал, как ему быть.

В эту ночь, возможно, каким-то образом Рэки чувствовал печаль волчонка, оставшегося наедине со своим

горем. Ведь их сердца в этот момент переполнялись одним похожим чувством, что вызывало в их душах самую сильную необъяснимую боль. Ко всему ещё Рэки, осознавая свою беспомощность от ран и заточения, подобно одинокому волчонку, так же не знал пока, что ему делать. В одном лишь Рэки не сомневался, — как только он сможет выйти наружу, то непременно вернётся туда, где его оставили хозяева. Он обязательно должен встретить их там: Рэк был уверен, что люди, без которых он не мыслил и дня, уже разыскивают его и, наверное, ждут на том же самом месте. Но вот только он пока не может кинуться им навстречу. И это обстоятельство ещё больше омрачало его беспомощное существование.

День следующий немного развеял ночную тревогу Рэка, но всё так же испытывая тоску, пёс тихо лежал в углу и не притрагивался к пище, по-прежнему оставаясь верен наставлениям своего хозяина.

И всё же, не выдержав зова своего уже крепкого, мягко говоря, аппетита, он не смог удержаться, чтобы не взять из рук женщины, так напоминавшей его хозяйку, один маленький кусочек отварного мяса. Рэки даже не заметил, как проглотил его, и уже в следующий раз женщине не пришлось уговаривать его. Для Рэки с этого момента всё вдруг изменилось: он уже не смог более отказываться от пищи.

Исхудавший за многие дни одиночества, Рэки заметно стал поправляться, и раны на его теле, затягиваясь, заживали быстрее. С каждым днём он чувствовал себя всё лучше и лучше. Хозяин не скрывал своей радости по поводу выздоровления пса, ведь у него на Рэка были большие планы. И Рэк тоже не скрывал своего нетерпения, — он ждал, когда его смогут отпустить на волю. Иногда всё же его выпускали,

но лишь во двор, и всегда на привязи. Видя через забор дорогу, Рэки всё время порывался вперёд. Но человек, уже зная его особенность и не желая отпускать овчара, не мог позволить ему свободной прогулки: Рэк должен был привыкнуть к ним, и потому человек держал пса в постоянной привязи.

Шли дни. Рэки уже окончательно окреп, но по-прежнему находился в заточении. Каждый раз, при виде воли со двора, его преданное прежним хозяевам сердце готово было вырваться наружу, — так сильно Рэк желал увидеть их. В эти минуты никто не мог понять его. И только одно женское сердце, полюбившее умного и верного пса, не могло оставаться безучастным. Оно так же с болью трепетало, вызывая в душе женщины понимающее сочувствие.

И вот как-то, гуляя по двору с Рэком, женщина не смогла больше выносить его страданий. Она подвела его к калитке и, приоткрыв её, отцепила поводок с ошейника. Внезапно почувствовав свободу, Рэки на какое-то мгновение замер, но затем стремительно бросился вперёд. Пробежав так несколько метров, пёс вдруг остановился и, повернув голову в сторону женщины, снова замер. Он как бы какое-то время раздумывал, казалось, ждал, что его вот-вот окликнут. И женщина уже хотела было позвать его, но, понимая, что никогда они не смогут заменить ему родных хозяев, так и не позволила себе этого. А Рэки ещё несколько мгновений ждал, и лишь затем, опережая лёгкий степной ветерок, уже неудержимо помчался к дороге.

ЧАСТЬ II

Закончилась осень, декабрь вступил в свои права. Плотным снегом замела зима безлюдные пространства. И лишь дорога под колёсами машин, петляя серой лентой, темнела среди выбеленных полей и перелесков.

Бескрайние приволжские степи, даже в центре русской цивилизации, до сих пор остаются безжизненными и нетронутыми. От деревни до деревни редко можно встретить признаки человеческого присутствия, и даже ближе к городу может казаться, что до города ещё далеко.

Продвигаясь на автомобиле по трассе, на одном из её пустынных участков ещё издали видишь чернеющую точку у края дороги — силуэт одиноко сидящего пса на заснеженной обочине. Автолюбители, не знающие истории о верном овчаре, проносятся мимо, но те же, кто уже слышал о

нём, не могут не остановиться — им хочется взглянуть в безгранично преданные глаза собаки. Приветствуя одинокого чёрно-рыжего овчара, многие замечают в его глазах глубокую печаль. Сочувствующих поражает его выносливая стойкость, но никто не в силах ему помочь, ведь Рэки отвергает любую помощь, исходящую от них, и лишь кусочки хлеба, оставленные ему у дороги, подбирает после. Так и тянутся дни его сурового ожидания.

И всё же не всегда можно встретить известного пса у дороги, иногда Рэки отлучается. Даже в его одинокой и, казалось бы, очень грустной жизни нет-нет, да и происходят маленькие радости, от которых Рэк не в силах отказаться.

Однажды он заметил в поле нечто, напомнившее ему историю из прежней ранней жизни. Тогда, ещё

щенком, он впервые видел из окна автомобиля зайца, несущегося через поле. Рэк запомнил, как в тот момент хотел побежать за ним, чтобы порезвиться вместе с быстронесущимся странным живым «шариком». И вот Рэки увидел его вновь, хотя не сразу узнал в нём прежнего знакомого: в этот раз заяц был чисто-белым. Рэк вообще с трудом разглядел его на фоне снега у противоположного края поля, лишь чёрные кончики постоянно пошевеливающихся ушей выдали его. Заяц же, заметив медленно приближающегося с дороги пса, предпочёл обойтись без нового знакомства и поспешил скрыться. Тогда Рэки рванул за ним. Пугливый и резвый молодой зайчишка так припугнул от испугу, что Рэки даже немного растерялся и, конечно же, в тот день он так и не смог настичь его. Но уже потом, всякий раз вглядываясь в заснеженное пространство и заметив на белом чёрные кончики ушей зайца, Рэки мгновенно срывался с места и во весь опор гнал за ним. Иногда Рэку всё же удавалось догнать его, и даже обогнать, и тогда он бежал рядом с зайцем, с интересом искоса поглядывая на этот шустрый белый клубок прыткой жизни. Подобная забава очень отвлекала Рэка от печальных мыслей о всё ещё не появившихся хозяевах и восстанавливала его силы. Воодушевлённый приливом жизненной энергии, он снова возвращался на прежнее место и уже более уверенно продолжал ждать.

Если бы эта история произошла где-нибудь на севере России или за Уралом, в Сибири, то вряд ли она имела бы продолжение: суровые зимние холода не позволили бы выстоять одинокому домашнему псу в безлюдье. Но зимы в Поволжье не столь суровы, и поэтому Рэки способен был вынести их.

Свернувшись на брошенной ему людьми потрёпанной ватной фуфайке, Рэки терпеливо коротал морозные ночи. Иногда, когда становилось совсем уж зябко, он пристраивался за каким-нибудь «небыстрым» автомобилем и поспешал за ним: таким образом он не только согревался, но и в какой-то мере развеивал свою ночную тоскливую скуку. Многие из водителей, проезжающих по этому участку трассы, уже хорошо изучили Рэка и эту его особенность — иногда побегать за машиной, и потому некоторые из них, завидев преследующего их по трассе пса-овчарку, сбавляли скорость, а то и вовсе останавливались, пытаясь заманить его в салон автомобиля. Рэки же всегда отказывался, он никогда не отбегал далеко от своего места, боясь оставить его на большее время, ведь он был абсолютно уверен, что хозяева могут появиться в любой момент, а значит, он должен быть всегда на месте и ждать. Так оно почти и было: он всегда возвращался скоро и неизменно оставался на своём посту.

Немногим раньше, в тот день, когда добрая женщина выпустила Рэка на свободу, он, оказавшись снова на трассе, отправился в сторону родного города и дома, где так и не обнаружил ни своих хозяев, ни их машины. Рэки понял, что они ещё даже не возвращались, и потому вернулся на прежнее место, где когда-то потерял их. С тех пор он решил не покидать этот участок дороги, несмотря ни на что.

Так оно всё и было до некоторого времени, пока не случилась ещё одна история, повлекшая за собой вынужденную и длительную отлучку Рэка.

История эта началась ещё тогда, когда Рэк впервые столкнулся с бродившим близ человеческого жилья старым волком. Волк считал всю территорию вокруг — своей, и ему совсем

не нравилось, что домашний пёс, несмотря на все угрозы дикой природы, не покидал этого места. Озлобленный и затаивший глубокую ненависть, старый волк выжидал подходящего момента, чтобы любым способом избавиться от ненавистного ему чёрно-рыжего пса. Но сам волк уже не мог совершить подобного, да и в помощь ему уже некого было зазывать. И всё же волк не был бы волком, если бы не имел тот ум, которым одарила его природа, да и мудрость, с годами, дополняла некоторых хитросплетений мозгу.

Старый хитрый волк порой целыми днями наблюдал, укрывшись в перелеске, за псом на дороге: волк видел, как останавливаются рядом с овчаром машины и из них выходят люди, чтобы приблизиться к нему. Для чего они совершали подобное действие, зверь не мог понять, но однажды понял то, что могло бы стать причиной исчезновения опостылевшего ему пса.

Уже стоял февраль, дням прибавилось солнца, и в воздухе пахло весной. Но всё так же Рэки оставался на прежнем месте, став лишь более известным. Теперь уже ни одна машина не проходила мимо, чтобы не остановиться рядом со знаменитым овчаром. Всем хотелось увидеть его и пожать ему лапу, которую Рэки охотно подавал желающим. В один из таких солнечных февральских дней всё и случилось.

На некоторое время Рэки покинул своё место и, как обычно, устроив небольшую пробежку, провожал один из автомобилей. Как только Рэк исчез из вида, старый волк внезапно появился на трассе и занял его место. Крупный волчина, ростом такой же, как и сам овчар, своим потускневшим от старости видом стал почти сравним с собакой: в противоположных лучах солнца

его тёмный силуэт ничем не отличался от силуэта Рэка, и немудрено было их перепутать. Усевшись на обочине дороги, волк, как и пёс, стал выжидать.

Тем временем Рэки, проведив за очередной поворот своего приятеля на старенькой, скрипящей «Ниве», развернулся обратно. Пробежав немного по трассе, он решил сократить путь, срезав поворот напрямик через поле: что-то неладное почувствовало его собачье сердце.

Обратившись в Рэка, волк, конечно же, очень рисковал собственной шкурой, но, доведённый злобой до отчаяния, ему ничего не оставалось, как использовать эту, по его умыслу, последнюю возможность подставить пса.

Ещё издали, с поля, заметив остановившийся на дороге автомобиль, Рэки помчался во весь опор. Машина стояла напротив его места, а рядом уже слышался шум и крики людей. Всё это происходило не дольше нескольких секунд, но в подобной ситуации каждая секунда могла бы стать роковой.

Стремительно выскочив на трассу, Рэк увидел своего старого серого «приятеля», подмявшего под себя человека. Волк не имел желания загрызть его, но в злом азарте, забыв об опасности, тиранил подмятого укусами. Ни крики людей, снующих рядом, ни удары лопатой, наносимые ими по зверю, не могли оторвать волка от своей жертвы. Не обращая внимания ни на что, казалось бы, взбесившийся волчина наслаждался своим положением, ведь людей он ненавидел всё же больше, чем собак.

В один прыжок Рэк оказался на спине волка. Вцепившись ему в загривок, Рэки отчаянно замотал головой, пытаясь оторвать его от человека. И только тут волк понял, что оплошал: в

азарте он забыл о времени, — ему стоило чуть ранее оставить свою жертву и исчезнуть ещё до появления пса. Но было поздно, теперь волк пожалел о своей глупой затее — искушать человека. Почувствовав всю силу тяжести огромного овчара на себе и остроту его клыков на своём загривке, волк рванулся в сторону. Но выскочить сразу из неожиданно навалившихся объятий ему не удалось — Рэки крепко удерживал его за холку. Выкручиваясь из всех сил, волк метался, кувыркаясь вместе с псом. Такого решительного нежелания быть побеждённым Рэки не предполагал встретить в этом с виду дряхлом и болезненном волке. Ощувив всем своим жилистым корпусом мощное сопротивление невероятной, почти бешеной ярости, овчар на какую-то долю секунды даже ослабил хватку. Почувствовав на мгновение ослабленный прикус собаки, волк, извернувшись, рванул Рэка за место чуть ниже лопатки. Этого хватило, чтобы уже в следующую долю секунды волк смог вырваться из-под овчара. И тут же сцепившись вновь, уже с небольшим перевесом в пользу волка, они продолжили свою кровавую схватку. Волк хоть и был старым, но оказался совсем не дряхлым, к тому же дикая кровь и отчаяние загнанного в тупик разбудили в нём прежнюю силу, — теперь уже волк стоял за свою жизнь.

Ужасное зрелище представало перед глазами людей: увидеть подобное не могли они даже и во сне. Жуткий поединок огромного волка с крупной овчаркой, словно дикой магией, ввёл их в оцепенение.

Но вдруг всё затихло, так же внезапно, как и началось: свернувшись в кровавый клубок, две жизни затихли в смертельных объятиях друг друга. Ещё секунды стояли люди в тишине, и лишь стоны одного из них, покусанно-

го волком, доносились из автомобиля. Когда же, вернувшись к осознанному состоянию, люди поняли, что произошло, они смогли приблизиться к затихшим в смертном поединке. Некоторое мгновение людям казалось, что пёс, защитивший их, как и волк, уже мёртв, но уже в следующий момент они смогли заметить, что бока Рэка медленно и тяжёло вздымались от вдохов. Тут же склонившись над ним, кто-то назвал его по имени. Заслышав знакомый голос, Рэки чуть приоткрыл окровавленные глаза и слабым стоном с выдохом дал понять, что жизнь его ещё не окончена.

Оттолкнув ногой голову придушенного зверя в сторону, человек освободил овчара из цепенеющих волчьих объятий. Затем Рэка перенесли на заднее сиденье автомобиля и, уже не теряя времени, желая во что бы ни стало спасти жизнь бесстрашному овчару, люди поспешили по направлению к городу. На месте остался лежать лишь коченеющий труп старого волка.

Слух о смерти известного овчара быстро разнёсся по округе. Все очень жалели полюбившегося пса, и многие не могли представить, что его одинокая фигура у дороги уже не будет встречать в одном и том же месте проезжающих по трассе. Но когда же люди узнали, что овчар не погиб, весть эта стала большой радостью для всех, будто Рэки был человеком и близким родственником многих.

Прошло чуть больше двух недель. Рэки быстро поправлялся от ран, нанесённых волком. В его глазах вновь появился блеск, и желание жизни наполняло его прежними интересами и тревогами. Люди, приютившие у себя израненного пса и проявившие о нём заботу, понимали, что Рэки скоро снова захочет вернуться на прежнее место. Но они ошибались,

— он никогда не переставал хотеть этого, даже будучи в бинтах. Если бы он смог, то, наверное, уже давно бы оставил комнату, ограничившую его свободу, и устремился бы к дороге, где его, как он верил всегда, возможно, уже дожидались хозяева. Такова была его природная сущность, и потому он, как только оказался на воле, снова вернулся на трассу.

Закончилась зима, и весна незаметно перешла в лето. Радостью жизни наполнилось всё живое. Привыкший к своему положению одинокого пса, всё время ожидающего своих хозяев, Рэки увлечённо воспринимал оживший мир. Его интересовало буквально всё — от ползущей по траве букашки до птиц, порхающих в небе. Теперь уже ничто не омрачало существования Рэка. Лишь иногда тревожные чувства о хозяевах всё же бередили его сознание, и только надежда на встречу с ними никогда не покидала его. Пёс всё время продолжал ждать и верил, что те, кому он так предан, обязательно вернутся за ним.

Так прошло лето. Выросло новое поколение в дикой природе, неся за собой новые завоевания жизненного пространства. Подросло поколение и в волчьей среде. Без этих злобных, но умных животных природа не смогла бы удерживать свой, веками сложившийся порядок. И потому в ней всегда находилось тихое и тайное местечко, где серая мамаша могла бы спокойно взрастить своё потомство.

В старом овраге уже не было волчьего логова — ни одна волчица не осмелилась бы принести своих щенков там, где побывали люди. Но всё же волчий свежий дух часто доносился из оврага, и поэтому животные до сих пор обходили его стороной. Некрупные следы молодого волка можно было встретить на влажном грунте

дна оврага. Выживший большелобый волчонок, пережив зиму и окрепнув за лето, частенько навещался к месту, где потерял свою семью. Возможно даже, он продолжал ещё жить здесь, отлёживаясь в полдень и ночуя в полуразрушенном материнском логове.

Большелобый был очень умным и смелым волчком и, с некоторых пор, совсем не боялся людей. Но, может быть, он и не хотел их бояться. Бывало, порой он сам нарочито шёл на их запах: желание ещё раз увидеть их, а возможно, и познать, подталкивало большелобого к местам обитания ставшего ему ненавистным и, конечно же, очень опасного существа — человека. Каждый свой поступок подросток большелобый волчонок совершал вполне осознанно. Но внешний вид его пока не вполне соответствовал его умственным способностям. Крупный ростом, худой и большеголовый, на высоких ногах и с глубоко подтянутым животом, волчонок больше напоминал некую гончую породу собак; но, ко всему наделённый необычайной смелостью и особой выносливостью, мог бы уже потягаться в силе и с легавыми. И случай такой молодому волку представился.

Как-то раз, мышка в поле, большелобый заметил человека с двумя собаками, они спускались с насыпи заброшенной грунтовой дороги. Затаившись в траве, волчонок увидел, как псы потянули в его сторону. Но срываться с места он не торопился; он как будто понимал, что собаки удерживались на поводках человеком и не могли так скоро приблизиться к месту, где прятался он. Человек, зная, что его псы почувствовали зверя, спустить собак пока не спешил. В планы охотника не входило преследование волка или лисицы, и он, сдерживая рвущих поводки псов, пытался отта-

цить их в сторону. Но собаки плохо слушались хозяина: ощутив азарт, молодые борзые неудержимо рвались на запах волка. Поняв, что молодые псы не успокоятся, человек решил использовать представившийся случай и дать им урок по зверю, спустив с поводков. И тут же, почти в одно мгновение, псы оказались у места, где затаился молодой волк.

Большелобый не кинулся бежать, но, сжавшись пружиной, он лишь выжидал, когда собаки окажутся совсем близко. И только тогда, внезапно, совершив высокий прыжок, выскочил им навстречу. Ошарашенные непонятым поведением зверя, псы, резко притормозив всеми лапами, встали как вкопанные. Волчонок же, полоснув зубами одного из псов по морде и резко развернувшись, кинулся на следующего. Очумелые собаки, в чьих умах не было даже намёка на оборону, в один миг растеряли свой пыл. Сбитые с толку неожиданно агрессивным поведением зверя, который, по их понятиям, должен убегать, псы растерянно кружили вокруг волчонка. Взъерошившись, большелобый занял уже оборонительную стойку.

Человек, наблюдающий эту картину со стороны, не понимал, что происходит. Но понимал, что подобная ситуация может испортить охотничий дух собак, и поэтому, взволнованно вскинув ружьё, выстрелил в воздух. И только тут сработал врождённый инстинкт волчонка, и он, метнувшись в сторону, кинулся бежать. Собаки, по инерции, рванулись за ним. Но, не испытывая прежнего азарта, они так и не смогли догнать зверя.

Скрывшись в ближайшей лесополосе, большелобый ушёл от погони. Собаки же не осмелились пуститься за ним по лесу, а может быть, и не захотели.

То, что волчонок испытал, впервые встретившись с борзыми псами, стало хорошим уроком ему. Большелобый понял, собаки не так опасны, как могут казаться, гораздо опаснее их — человек. Уже потом, в последующие годы своей серой разбойничьей жизни, помня эту науку, большелобый не раз спасался тем, что первым напал на псов, спущенных людьми за ним в погоню, и, таким образом сбивая охотничью спесь с собак, уже спокойно уходил от них.

Со временем большелобый волк, сильный и смелый, отличающийся хитрым умом от своих собратьев, занял соответствующее место среди себе подобных. Он стал их вожаком.

Прошло почти шесть лет. В округе гремела слава о «подвигах» неуязвимой волчьей стаи. Заматеревший, огромный большеголовый волк умело вёл её по тропам дикой разбойничьей жизни. Каким-то неведомым образом вожаку всегда удавалось выводить братьев из облав, устраиваемых охотниками. И даже красные флажки, окружающие в кольцо затаившихся волков в дебрях старой лесополосы, не могли сдержать серых. Прорывая флажковую блокаду, звери всегда уходили невредимыми.

На многие вёрсты вокруг им не было равных. Казалось, волки были умнее, чем люди, и лишь необъяснимая жестокость по отношению ко всему, что принадлежало человеку, обозначала их звериную сущность. Волки рвали всех, кто вступал на их территорию, но сами близко к человеческому жилью не подходили. Избегали разбойники и дорог, пролегающих вблизи границ их диких владений. Но более всего опасались основной трассы, постоянно несущей гарь и копоть автомобильных выхлопов. К тому же

этой трассы, в зимнее время, из некоторых проезжающих машин часто раздавались оружейные выстрелы. Люди, зная о свирепствующей в округе стае и замечая в поле любую движущуюся мишень, напоминающую волка, выстреливали почти все заряды по цели и часто, конечно же, впустую. Но всё же этот ружейный переполох нагонял жути и страха на волчью братию: ни один из них не осмеливался приблизиться к трассе ближе, чем на выстрел.

И это обстоятельство пока ещё спасало одинокого пса на дороге. Рэк по-прежнему оставался на том же месте. За всё время, за долгие годы ожидания на трассе Рэки уже считал дорогу своим домом. Теперь его, как и раньше, ничто не могло заставить покинуть своё место. Свершить подобное могла только его смерть.

Но всё же люди опасались за жизнь овчара, ставшего легендой трассы. Кто-то даже пытался оставлять ему подругу, надеясь, что пёс затем покинет место, уйдя за ней к людям. Но всякий раз собака возвращалась одна, не выдержав жуткого ночного волчьего воя, разносившегося на многие мили в морозной, заснеженной степи. Рэки же давно привык к подобным обстоятельствам, к тому же он несколько не боялся вторжения, поскольку, возможно, знал, — волки сами побаивались его, словно привидения. Выпирающая смелость и необъяснимая стойкость огромного чёрно-рыжего пса отпугивала осторожных зверей от места, где всегда была видна его одиночная фигура. Но скорее всего волки боялись приближаться к овчару лишь потому, что именно на этом участке трассы чаще всего гремели оружейные выстрелы, и вся местность вдоль дороги была усеяна пороховыми патронными пыжами. От них за версту несло смертью.

Шли дни, проходили недели, но волки так и не осмеливались приблизиться к трассе, где всё время находился овчар. Лишь в одном её месте, там, где дорога поднимается на холм, в самой высокой её точке, откуда она просматривается на дальнейшее расстояние в обоих направлениях, волки пересекали опасный участок, кочуя по своей территории в поисках доступной жертвы.

Так прошла ещё одна, тревожная в этот год для Рэка, долгая зима. Наступила весна, и волчья стая распалась. И снова каждый из волков стал сам по себе. Большелобый вожак увёл свою уже давнюю подругу в глухие дебри, — его волчица ожидала потомство. В своей дикой семье, заботливый и нежный, большелобый был хорошим и достойным отцом для своих волчат. Вращивая щенков по закону дикого мира, он прививал им и навыки выживания в мире людей.

Борьба двух миров, дикого и одомашненного, будет неизменно рождать и оставлять в живых самых приспособленных к ней. Большелобый волк, не по своей воле столкнувшийся с человеческой цивилизацией в борьбе за право жить, безусловно, хотел, чтобы его потомство было лучшим.

В это же время у одной из подруг Рэка, трёхгодовалой чёрной овчарки, появилось на свет своё потомство — четверо чёрно-рыжих щенков. Но их отец ничего не знал об этом, и узнать ему, возможно, уже будет не суждено.

Весенние дни незаметно перешли в дни летние, становясь длиннее и жарче. Наступившее жаркое время принесло за собой сухую погоду. Лето выдалось особенным — вокруг стояла сушь, и ещё недавно зазеленевшая трава, выгорая под солнцем, желтела на макушках. Невыносимое удушье поднималось вблизи трассы.

Раскалённый асфальт парил и плавился. Рэки с трудом выдерживал полдневный зной, часто отлучаясь к родничку, из-под земли у края поля. К сожалению, у Рэка не было возможности спрятаться где-нибудь в тени, — дорога была чиста, а лесополоса в этом месте отходила далеко от трассы, пролегая аж за полем.

Несмотря на своё тягостное положение, Рэки всё же не покидал места. Как и всегда, он выносливо выстаивал на своём посту.

Когда-то давно привезли овчару сколоченную из фанеры будку. В холодные, ветреные и дождливые дни она его ещё спасала, но теперь всё время была пуста — удушье в ней сохранялось невыносимое. Лишь до полудня в жару он мог использовать её незначительную тень.

В такое время, когда плавился асфальт, редкая машина появлялась на трассе, и Рэку становилось совсем невыносимо. Он привык к постоянно-му движению и к вниманию людей, останавливающихся рядом с ним: в дневное время он страдал не только от зноя, но уже и от недостатка общения, ему казалось, что мир людей совсем покинул его.

Ближе к вечеру трасса вновь оживала. Рокот моторов, шум колёс, голоса людей и их радушные приветствия снова возвращали овчара к жизни.

Однажды, в один из знойных дней, как обычно, спустившись с дороги к родничку, Рэки не обнаружил его бьющим из-под земли. На том месте была лишь небольшая лужица, но уже через час и она высохла.

Прошло ещё какое-то время, и жажда, постоянно мучившая Рэка, стала беспощадной. Рэк легко мог переносить длительный голод, сытость и стужу, и даже жажду, но то, что приходилось испытывать ему сейчас,

без единой капли надежды, приводило его в необъяснимое состояние, — он не находил себе места. Какое-то время Рэки ещё старался терпеть, ведь он даже не знал, где может быть поблизости вода. Но затем, уже беспрерывно думая о ней, стал навязчиво выискивать хоть какую-либо лужицу, вспоминая места, где когда-то мог видеть воду, — вдруг ему вспомнилась та фляжка в руках человека в форме, когда он впервые оказался на трассе и впервые испытывал жажду. Вспомнив тот день, Рэки вспомнил вкус тёплой водицы, льющейся из фляжки в широкие ладони человека, и как жадно пил её тогда. От подобных воспоминаний мозг Рэка ещё более воспалился, и наступил момент, когда он уже не мог выдерживать своих мучений.

Вернувшись на дорогу и уже не раздумывая более, Рэки напрямую пустился в направлении к городу. Пробежав несколько километров, он вдруг внезапно остановился. Своим обострённым чутьём пёс улавливал чуть повлажневший слабый поток воздуха. Почувствовав далёкую влагу, Рэки устремился прочь от дороги. Пробежав немного, он увидел впереди овраг, который углублялся вниз по склону. По нему и направился Рэк, чувствуя всё более усиливающийся запах воды в воздухе.

Достигнув поросшего лесом низа оврага, Рэки уже ощутил некую прохладу, но до источника воды добрался ещё нескоро. И всё же тот момент настал.

В густом подлесье незаметно текущий, мелкий, мутный ручеёк показался страдающему псу большой рекой, — так много казалось в нём воды. Сразу же войдя по колено в ручей, Рэки стал жадно лакать немного затхлую, вместе с поднятым илом, но такую желанную воду. Затем, немного утолив

жажду, он сам погрузился в ручей и, прижимаясь брюхом к прохладному дну, продолжал насыщаться. Горячее чувство жажды постепенно сменялось приятным чувством успокоения. Но он всё ещё никак не мог напиться. Погружая морду в воду и иногда заглатывая её ртом, он наслаждался её живительной влагой. В эти минуты Рэку казалось, что нет лучшего места на свете, чем этот ручей с прохладной водой. В то жаркое время оно так и было. Протекающий под сенью густого орешника, своей прохладной влагой ручей притягивал к себе многих обитателей степи и леса.

Наконец пресытившись водой и успокоившись, Рэки вдруг почувствовал и понял, что он здесь не одинок. В разных местах ручья, невидимых глазу, в кустах и зарослях травы прослушивался некий шум движения не крупных животных — шорохи травы и ветвей от соприкосновения, шелест листья в кронах орешника от крыльев взлетающих птиц и чавканье прибрежной грязи под копытами уже не столь пугливых коз. Несмотря на откровенное поведение некоторых животных, весь этот шум всё же был осторожным, и Рэки, будучи в агонии жажды, естественно, не сразу обратил на него внимание. Теперь же он воспринимал самые отдалённые звуки.

Измученные засухой животные шли отовсюду. Они спешили к воде, и не было у них ни времени, ни сил ждать, пока пришедшие первыми утолят свою жажду. Не замечая никого и ничего, кроме воды, изнемогающие животные порой пристраивались рядом.

Вдруг где-то внизу ручья раздалось слишком уж шумное вторжение в воду: многочисленное чавканье в грязи, всплески от бултыхающихся в ней неосторожных животных и их от-

кровенное похрюкивание обозначили появление кабаньего стада. Кабаны никого не боялись и не собирались осторожничать. Иногда, резко пугая более осторожных обитателей ручья, пронзительно визжали поросята — видимо, от удовольствия.

Прислушиваясь к шумливым звукам дикой природы, Рэки безмятежно отдыхал, наслаждаясь успокоением и прохладой.

Вдруг неожиданно всё стихло. Ещё не понимая в чём дело, Рэки насторожился. Напрягая слух и поводя носом, он пока ничего опасного не улавливал и всё-таки внутренним чутьём понял — опасность есть, и даже где-то рядом. Прошли ещё какие-то мгновения, и тут он осознал, что напугало животных, а вернее — кто. Даже стадо кабанов спешно покинуло ручей. Это означало, что только крупный и опасный зверь мог так напугать их. Через мгновение с противоположной стороны ручья уже отчётливо донёсся дух большелобого волка. Слабые потоки влажного воздуха поднимались туда, где затаился волк, и потому Рэк поздно его учуял. Волк же сразу узнал о присутствии пса у ручья и в первые мгновения был неожиданно удивлён, встретив его здесь. Испытывая некое замешательство, зверь пока не приближался к нему. Неведомым чутьём большелобый догадывался, что и пёс уже знает о нём, но раздражаемый противоречиями по отношению к известному и бесстрашному псу, не спешил к единому действию. «Как поведёт себя этот пёс здесь? На самом ли деле он так опасен и неуязвим, как был все эти годы? Кто и что скрывается за ним сейчас?» — подобные подозрения и сомнения буравили изворотливый мозг большелобого волка. И всё же природное любопытство хоть и осторожного, но абсолютно бесстрашного зверя,

преобладало в подсознании больше-лобого. И волк, уже не таясь, вышел навстречу псу, как в первый раз, когда столкнулся с двумя борзыми.

Рэки мог многое предчувствовать и понимал неизбежность столкновения с волком. Понимал и то, как жутко ненавидели его волки, жаждали его гибели, и то, что в данный момент ничего не может противопоставить этому. Он не знал, как поступить, он просто стоял и ждал. Ждал без страха, без злобы и ненависти в глазах; ждал без малейшего сожаления о чём-либо, доверившись полностью своей судьбе; ждал и, наверное, предчувствовал уже возможное завершение своих дней.

Солнечный диск катился к закату, с каждой минутой заметно опускаясь за горизонт. Вместе с солнцем уходил и этот последний день жизни легендарного овчара. Уже никто не увидит его одинокую фигуру на обочине трассы и никто не сможет сказать ему — привет, Рэки.

Люди так и не узнают причину его гибели, и никто не сможет отыскать его тело. Он просто внезапно для всех исчезнет, как внезапно когда-то появился.

Но ещё долго люди будут ждать своего любимца, надеясь, что пёс, возможно, болен, но жив и находится где-нибудь на излечении, как это и бывало.

Пройдёт год, и только тогда все окончательно поймут, что верный овчар уже никогда не вернётся. Но даже тогда не смирятся люди с его отсутствием, и через какое-то время верный Рэки, покоровивший своей преданностью сердца многих людей, всё же вернётся на трассу. Он вернётся на прежнее место, туда, где долгие годы ждал своих хозяев. Вернётся уже не живым, но вечным — отлитым в бронзе. И так же, как всегда, будет неизменно стоять его одинокая, но уже бронзовая фигура, сохраняя память о нём в умах и сердцах благодарных ему людей.